

С Е Р И Я
• СПУТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ •

**Общество
в эпоху кризиса
глобализации:
актуальные проблемы
правотворчества,
правоприменения
и социально-экономического
регулирувания**

— —
**ИЗБРАННЫЕ
АВТОРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

С Б О Р Н И К С Т А Т Е Й

РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2023

УДК 34
ББК 67
О-28

*Печатается по решению редакционной коллегии научного журнала
«Спутник высшей школы» (№ 5 от 09.06.2023 г.)*

Р е ц е н з е н т :

*И. А. ИВАННИКОВ,
доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор,
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)*

Н а у ч н ы е р е д а к т о р ы :

*А. Н. РАТЬКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России);*

*Е. Н. ГУНИНА,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
управления развитием пространственно-экономических систем
Южного федерального университета*

**О-28 Общество в эпоху кризиса глобализации: актуальные проблемы
правотворчества, правоприменения и социально-экономичес-
кого регулирования / Серия «Спутник высшей школы»: сборник ста-
тей. — Ростов-н/Д : Спутник науки, 2023. — 133 с.**

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-6049066-2-0

В очередном сборнике, посвященном рассмотрению причин и следствий масштабных преобразований, которые переживает в настоящее время российское общество (и государство), а также мировой правопорядок в целом, собраны авторские материалы, касающиеся теории и практики правоприменения, законотворчества, социально-экономического регулирования (на микро- и макроуровне) и проблемных аспектов истории государства и права.

Авторами представленных работ выступают студенты, магистранты, профессорско-преподавательский состав, а также научные работники и независимые исследователи из России и стран ближнего зарубежья.

© Спутник науки, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Зарождение и эволюция российской прокуратуры и прокурорского надзора. <i>Аксененко А. И., научный руководитель: Ратьков А. Н.</i>	4
Развитие дознания как формы досудебного производства по уголовным делам: исторический аспект. <i>Малая Ю. В., научный руководитель: Ратьков А. Н.</i>	18
«Совершенствование» порядка проверки сообщения о преступлении и гарантии соблюдения прав и свобод вовлеченных в нее лиц. <i>Ратьков А. Н., Стукалова Т. А.</i>	23
Пробельность судебного толкования как обязательное условие неоднозначной квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ). <i>Орманджян Е. Э., научный руководитель: Пильников С. Г.</i>	32
Конституция СССР 1924 года и ее революционное значение как символа новой концепции государственного устройства. <i>Смирнов Ф. П.</i>	43
Состояние и перспективы регулирования рынка недвижимости в Российской Федерации. <i>Гунина Е. Н., Балязин А. И.</i>	52
К вопросу о совершенствовании объективных признаков категории «хищение» в уголовном праве России. <i>Толстых С. М., научный руководитель: Пильников С. Г.</i>	66
Понятие, признаки и виды преступного бездействия. <i>Чепила А. Е., научный руководитель: Ратьков А. Н.</i>	77
Актуальные проблемы правоприменения в российском законодательстве. <i>Белавкина П. А., научный руководитель: Ратьков А. Н.</i>	86
Дознание в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ. <i>Коростова М. Д., научный руководитель: Ратьков А. Н.</i>	97
Культурный аспект современной правотворческой политики. <i>Орлова А. С., научный руководитель: Болденко О. А.</i>	111
Соотношение позиций России и международного уголовного суда в свете имплементации Римского статута. <i>Ивашкина О. А.</i>	125

Зарождение и эволюция российской прокуратуры и прокурорского надзора

Аксененко А. И.,

2 курс магистратуры, юридический факультет,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия,
e-mail: alinanori@mail.ru

Научный руководитель: **Ратьков А. Н.,**

кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: sochiran@mail.ru

УДК 340; 347

Аннотация. В статье проанализировано зарождение и систематизированы основные этапы эволюции прокуратуры и прокурорского надзора в России, как направления деятельности прокуратуры, с момента ее основания в 1722 году и до наших дней. Представлена авторская позиция содержания и характерных особенностей прокурорского надзора на разных этапах его развития; проведены параллели с современными положениями прокурорского надзора, выявлена связь изменения сути прокурорского надзора с эволюцией потребностей государства.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорский надзор; генерал-прокурор; судебная реформа 1864 года; прокуратура СССР.

Изучение истории появления и эволюции любого государственного органа дает возможность найти ответы на многие актуальные вопросы: например, каковы цели и задачи органа и чем они обоснованы, каково его место в системе органов государственной власти. То есть, учитывая исторический опыт деятельности определенного государственного органа, можно дать оценку вводимым законодательным новациям и структурным изменениям, оценить их эффективность на современном этапе развития.

Всё сказанное выше в полной мере относится и к органам прокуратуры Российской Федерации, а равно и к одному из основных направлений ее деятельности — прокурорскому надзору, и имеет первостепенное значение для определения дальнейших направлений реформирования системы органов прокуратуры Российской Федерации, совершенствования процесса выполнения ими своих функций.

Слово «прокуратура» имеет латинские корни, происходит от «procurator», что дословно переводится как «забочусь», «обеспечиваю», «предотвращаю». Опираясь на этимологию данного слова, можно сделать вывод о том, что основными целями прокуратуры должны являться «забота» о правах и свободах человека и гражданина, «обеспечение» соблюдения нормативно-правовых актов и «предотвращение» нарушения законности на территории государства. В связи с давним сроком существования прокуратуры и отсутствием прямых и однозначных свидетельств о дате ее основания в официальных источниках, затруднительно точно установить, каким образом у законодателя возникла и оформилась идея необходимости учреждения прокурорского надзора. Однако, опираясь на ряд задокументированных исторических фактов можно предположить, что идеи устройства прокуратуры и организации прокурорского надзора на территории России были заимствованы, то есть имеют иностранное происхождение.

Учитывая, что научные глубокие исследования исторического характера в России стали проводиться лишь с конца XIX века, многие первоисточники и документы, а вместе с ними и достоверные факты, были утрачены. Тем не менее в рамках общего изучения истории прокуратуры в России была изучена и эволюция прокурорского надзора как одной из ее функций, причем материалы исследований включают не только данные по прокурорскому надзору в России, но и ряд установленных исторических свидетельств об осуществлении прокурорского надзора в некоторых странах Европы, что дает возможность проводить сравнительный анализ.

Историю прокурорского надзора можно разделить на четыре основных этапа. Данные этапы появления и становления прокурорского надзора в России, с краткой характеристикой каждого из них, представлены в систематизированном виде в таблице.

Итак, 12 января 1722 года в соответствии с Именным Высочайшим Указом Петра I при Правительствующем Сенате была учреждена Российская прокуратура. Точная формулировка звучала следующим образом: «Надлежит быть при Сенате Генерал-прокурору и Обер-прокурору, а также во всякой Коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору». По словам самого Петра I: «... ныне ни в чем так надлежит трудиться, чтобы выбрать и мне представить кандидатов в вышеописанные члены, а буде за краткостью времени всех нельзя, то чтобы в президенты коллегий и в генерал- и обер-прокуроры выбрать, что необходимая есть нужда до наступающего карнавала учинить, дабы постом исправиться в делах было мочно; в сии чины дается воля выбирать изо всяких чинов, а особливо в прокуроры, понеже дело нужно есть» [1]. Связано это было с тем, что чиновничий произвол, взяточничество и казнокрадство достигли к тому моменту небывалого размаха, и Петр I, будучи ответственным правителем, понимал угрозу, которые представляют эти явления для государственного благополучия в целом и реформ, которые проводились в стране в то время.

Этап	Дата	Пояснение
I	1722–1863 гг.	Создание прокуратуры, необходимость которой была продиктована реформами Петра I, проводимыми в системе государственного управления в начале XVIII в. Очевидной причиной создания такой государственной службы, которая бы боролась с хаосом во власти, стала значительно возросшая преступность среди должностных лиц того времени (особенно взяточничество). Как было достоверно установлено историками, российская прокуратура учреждена 12 января 1722 года. В то же время нельзя не отметить, что деятельность ее на тот момент ограничивалась лишь функциями надзора над центральными и местными органами управления.
II	1864–1916 гг.	На данном этапе наблюдается значительное усиление прокурорского надзора в России, что связано с проведением Судебной реформы в 1864 году Александром II. В тот период функции прокуратуры значительно расширились, и ее органы стали так или иначе участвовать не только в уголовном, но и (частично) в гражданском судопроизводстве; кроме того, у прокуратуры того времени появилась обязанность осуществлять надзор за деятельностью следственных органов и полиции.
III	1917–1991 гг.	Данный период пришелся на время советской власти, и для него характерна серьезная трансформация всего правового поля государства. В частности, в Конституцию страны 1917 года была включена отдельная глава, в которой фиксировалась сфера деятельности советской прокуратуры, и, кроме того, ее важнейшая функция – прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории страны. Что не менее важно, четко была определена ее структура, а также статус самостоятельного органа государственной власти. Таким образом, именно в то время в законодательном поле были сформированы основные черты современной прокуратуры России.
IV	С 1991 г. по настоящее время	На данном этапе, после распада СССР, был принят новый Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Кроме того, в Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, в статье 129 закреплён принцип централизации и единства системы органов прокуратуры России. Тогда же было начато реформирование российской прокуратуры, которое продолжается по сей день.

Таким образом, при создании прокуратуры Петром I перед ней ставилась задача «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония» [1].

Указ о создании прокуратуры не был единственным. За ним последовал ряд указов, дополняющих и уточняющих его. В частности, 18 января 1722 года был издан указ об организации работы органов прокуратуры в провинциях, место которых было определено при надворных судах, а основной функцией — реагирование на поступающие жалобы. 5 апреля 1722 года увидел свет регламент, в котором были четко определены права и обязанности прокурора при коллегии Адмиралтейства. 27 апреля того же года последовали указы «О должности Сената» и «О должности Генерал-прокурора», в котором и были закреплены ставшие крылатыми слова: «... и понеже сей чин — яко око наше и стряпчий о делах государственных». Указ устанавливал основные предмет деятельности, задачи, обязанности и полномочия генерал-прокурора по надзору за Сенатом и руководству подчиненными ему органами прокуратуры. 11 мая 1722 года Петр I своим указом образовал прокуратуру при Святейшем Синоде [2, с. 16].

Нельзя не отметить, что указ «О должности Генерал-прокурора» был задуман как основной законодательный акт о прокуратуре и оставался таковым на протяжении всего XVIII века, из чего можно сделать вывод, что Петр I, создавая прокурорский надзор в Российской империи, имел главной целью предоставление прокуратуре большого объема полномочий по надзору за деятельностью управляющих органов, что автоматически повышало авторитет контрольных органов в Российской империи.

Отметим важную особенность того времени. Как известно, Петр I был царем-реформатором, и многие идеи для своих реформ от черпал из практики европейских государств. При Петре I большое распространение получили новые, не имевшие

ранее аналогов в Российской империи формы правовых актов, изобилующие иноязычной терминологией. Вполне вероятно, что и идея создания прокуратуры, и, собственно, ее название, и стремление наделить ее широкими полномочиями по надзору и контролю также являлись заимствованиями из европейской правовой практики. Так или иначе, но учреждение прокуратуры в Российской империи оказалось удачным решением, и с тех пор деятельность органов прокуратуры не теряла своей актуальности при любых правителях и государственных режимах.

Государственная политика Екатерины II значительно отличалась от политики, проводившейся Петром I. Во времена ее царствования прокуратура была подвергнута реформированию под влиянием новой внутривластной концепции, основным результатом которого стало своего рода раздвоение прокурорского надзора — в обязанности генерал-прокурора постепенно перешел надзор на уровне высшей, центральной власти, в то время как в сферу деятельности местных губернских прокуроров был включен «коллежский» надзор.

Затем, во времена правления Елизаветы Петровны, генерал-прокурор окончательно выделился из состава Сената, занял в некотором роде даже более высокую позицию, в связи с чем за генерал-прокурором была закреплена не только функция контроля над соблюдением законов при Сенате, но и контроль над внутренними делами, юстицией и даже финансами.

Таким образом, в ранее едином прокурорском надзоре происходили существенные перемены. Царствование Екатерины II ознаменовалось децентрализацией и укреплением местного самоуправления. Соответственно, в русле основного течения новой государственной политики развивалась и местная прокуратура. В частности, новое положение прокуратуры закрепилось в изданном 21 апреля 1764 года «Наставлении губернаторам», исходя из смысла которого многие функции прокуратуры, такие как над-

зор над исполнением законов в губерниях, защита справедливости, предупреждение злоупотреблений во власти — были возложены на губернаторов соответствующих губерний [3]. Учитывая вышеуказанное, можно сделать вывод, что роль прокуратуры на данном этапе развития стала менее значимой.

7 ноября 1775 года были изданы постановления о местном прокурорском надзоре, которые представляли собой, по сути, повторение формулировок петровских указов, но с учетом изменений в государственной политике.

Далее наступили времена судебной реформы 1864 года, установившей Основные начала судебных преобразований, которые в части, касающейся судоустройства, определяли, что «при судебных местах необходимы особые прокуроры, которые по множеству и трудности возлагаемых на них занятий, должны иметь товарищей», а также констатировали, что «власть обвинительная отделяется от судебной» [3].

Новым этапом в истории прокурорского надзора в ноябре 1917 года стало принятие высшим органом власти в стране — Советом Народных Комиссаров — Декрета о суде № 1, который положил конец существовавшему до Октябрьской социалистической революции порядку, упразднив суды, институты судебных следователей, прокурорского надзора, а также присяжной и частной адвокатуры. Их функции перешли к вновь созданным народным судам и революционным трибуналам, а для осуществления предварительного следствия были образованы особые следственные комиссии [4].

Спустя непродолжительное время, весной 1922 года, постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) было принято первое Положение о прокурорском надзоре, в соответствии с которым в составе Народного комиссариата юстиции была учреждена Государственная прокуратура. Данным Положением на прокуратуру возлагались такие функции, как: осуществление надзора за законностью действий всех органов власти,

хозяйственных учреждений, общественных, частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений; непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов государственного политического управления; поддержание обвинения на суде; наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей [5].

Следующей вехой в развитии прокуратуры стал 1936 год, когда произошло выделение органов прокуратуры из системы юстиции, и, таким образом, была сформирована самостоятельная единая централизованная система органов прокуратуры.

Нельзя не назвать такой важный этап в становлении прокурорского надзора, как принятие в мае 1955 года «Положения о прокурорском надзоре в СССР», первая статья которого возложила на Генерального прокурора СССР осуществление высшего надзора за точным исполнением законов всеми министерствами и подведомственными им учреждениями, а также гражданами СССР [6].

В ноябре 1979 года принимается новый Закон СССР «О Прокуратуре СССР», в соответствии с которым был сформирован обновленный список направлений ее деятельности, включая такие направления, как: высший надзор за точным и единообразным исполнением законов, борьба с нарушениями законов об охране социалистической собственности, борьба с преступностью и другими правонарушениями, расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, обеспечение неотвратимости ответственности за преступление, участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов [7].

Начало нового, четвертого этапа становления прокурорского надзора, было положено принятием Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [8]. Несколько позднее в

Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, был закреплён принцип единства и централизации системы органов прокуратуры [9], который более детально регламентируется в Законе о прокуратуре РФ и внесёнными в него дополнениями.

В принятом и ныне действующем Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» упразднён надзор за исполнением законов гражданами, а также установлен запрет на вмешательство прокуратуры в хозяйственную деятельность, в связи с чем само содержание прокурорского надзора стало несколько иным.

Таким образом, с момента основания и до настоящего времени прокурорский надзор трансформируется, претерпевает значительные изменения, что объясняется эволюцией потребностей государства и отысканием наиболее эффективных форм деятельности прокуратуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Петровское наследие: Законы для империи. Обеспечить верховенство права: сайт Российского исторического общества*, 2022. — URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/petrovskoe-nasledie-zakony-dlya-imperii.html> (дата обращения: 21.05.2023).
2. Басков, В. И. *История прокуратуры Российской Империи*//Вестник МГУ. — 1997. — № 1. — С. 14–22.
3. *300 лет прокуратуре России: сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2003–2023. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/300-years> (дата обращения: 01.06.2023).
4. *Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде»* // СПС «Консультант-Плюс», 1997–2023. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=4029&req=doc#5pJ22gTGzGA0fSD21> (дата обращения: 21.05.2023).
5. *Постановление ВЦИК от 28.05.1922 «Положение о прокурорском надзоре»*//СПС «Консультант Плюс», 1997–2023. — URL:

- <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=9076#xXi22gTR3e5Yku71> (дата обращения: 27.05.2023).
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24.05.1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // СПС «Консультант Плюс, 1997–2023. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19140#8HO32gTC1QliYHko> (дата обращения: 30.05.2023).
 7. Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-X «О прокуратуре СССР» // СПС «КонсультантПлюс», 1997–2023. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44512#yVi32gTYag2uTdq5> (дата обращения: 26.05.2023).
 8. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (последняя редакция) // СПС «Консультант-Плюс», 1997–2023. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 23.05.2023).
 9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс», 1997–2023. — URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.05.2023).

BRIEF

**THE ORIGIN AND EVOLUTION OF THE RUSSIAN
PROSECUTION AND PROSECUTION SUPERVISION**

Aksenenko A.I.,
2nd year Master's degree at the Faculty of Law,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Academic Supervisor: **Ratkov A.N.**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia

Abstract. *The article systematizes the main stages of the origin and evolution of the prosecutor's office and prosecutor's supervision as a direction of the prosecutor's office from its foundation in 1722 to the present day, and also analyzes the content and characteristic features of prosecutor's supervision at different stages of development, draws parallels with modern provisions of prosecutor's supervision, the relationship between the change in the essence of prosecutorial supervision and the evolution of the needs of the state is revealed.*

Key words: *prosecutor's office; prosecutor's supervision; prosecutor general; judicial reform of 1864; USSR prosecutor's office.*

Развитие дознания как формы досудебного производства по уголовным делам: исторический аспект

Малая Ю. В.,

2 курс магистратуры, юридический факультет,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: odirsochi@list.ru

Научный руководитель: **Ратков А. Н.,**
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: sochiran@mail.ru

УДК 343.13

Аннотация. *Одной из процедур, способствующих приближению наказания к моменту совершения преступного деяния, является дознание. Данная процессуальная форма расследования преступлений с момента своего появления претерпела множество трансформаций и изменений. Учитывая меняющиеся тенденции развития уголовно-процессуального законодательства и продолжающиеся поиски эффективных форм досудебного производства, важным представляется рассмотрение вопроса о дознании в исторической ретроспективе. Настоящая статья посвящена анализу развития дознания как формы досудебного производства по уголовным делам. В статье нашли отражение основные понятия, этапы и изменения, происходившие в разные периоды существования настоящей процессуальной формы.*

Ключевые слова: дознание; история; судопроизводство; право; закон; история; проверка.

Упрощение и ускорение (сокращение) производства по тем делам, которые с точки зрения выяснения фактических обстоятельств рассматриваются как несложные и очевидные, является объективным и логичным. Процессуальная форма исторически складывалась достаточно долго и сопровождалась различными трансформациями, что нередко влияло на усложнение порядка расследования преступлений. Тем не менее во все времена одним из важнейших аспектов отправления правосудия на всех этапах производства по делу рассматривалась тенденция простых процедур, способствовавшая эффективно-му и малозатратному расследованию преступлений. В качестве такой процедуры выступает и дознание, которое берет свое начало в XV веке [8, с. 121].

Переходу от состязательного к розыскному процессу сопутствовали различные сложности, которые оказали влияние на обособление процессуальных функций. Особенно ярко это стало заметно в эпоху Екатерины II, которая воплотила либеральные идеи французских просветителей в Своде законов Российской Империи; эти идеи нашли отражение и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года.

Одной из главных трудностей перехода к розыскному процессу стало отсутствие четкого разделения функций следователя, обвинителя и судьи. В предыдущем — состязательном — процессе обвинение и защита находились в равных условиях, а судья играл роль непредвзятого наблюдателя. В розыскном же процессе следователь становился главным участником процесса, а обвинитель и судья вынуждены были работать на его стороне. Также сложности возникали с определением мер пресечения и правил допроса подозреваемых и свидетелей. В рамках состязательного процесса защита имела возможность контролировать порядок допроса и обжаловать его результаты, тогда как в розыскном процессе следователь решал все вопросы самостоятельно. В це-

лом, переход к розыскному процессу был долгим и сложным, потребовавшим не только правовых, но и культурных изменений в обществе [7, с. 63].

Процесс постепенного приведения в порядок судебной системы, начавшийся в екатерининскую эпоху, привел к отделению судебной и полицейской систем друг от друга. В Своде законов было официально закреплено, что следствие отныне будет являться самостоятельной стадией уголовного судопроизводства. В нем также были закреплены полномочия и пределы компетенции органов следствия: сбор доказательств, исследование обстоятельств происшествия. Стоит подчеркнуть, что в отдельный этап было выделено и предварительное следствие, направленное на установление самого факта преступного деяния, реализацию сбора сведений о субъекте преступления.

С развитием общества и права развивалось и судопроизводство. Результатом трансформации стало то, что вышперечисленные формы были преобразованы в предварительное следствие и дознание, однако до Устава уголовного судопроизводства 1864 года четкого разделения данных форм еще не было. Предварительное и формальное следствие входили в обязанности полиции, из-за чего данные формы в теории тяжело было дифференцировать. Имело место, по сути, отождествление понятий дознания и предварительного следствия, однако на практике наблюдалось совершенно иное. Предварительное следствие в этом контексте интерпретировалось шире и вбирало в себя такие процедуры, как: выявление факта преступного деяния, обыски, арест, выемки. Именно поэтому предварительное следствие рассматривали как этап, располагавшийся по своим задачам между следствием и дознанием.

Именно факт отсутствия четкой границы между указанными процессуальными формами обусловил и реформу досудебного производства в XIX веке. Подобная трансформация требовала

разделения полномочий следователей и полиции. Так, предполагалось, что в ведение полиции будут входить: розыск улик, установление факта совершенного преступления — одним словом, дознание; а судебные следователи должны будут на основе собранных полицией сведений реализовывать доказательный процесс. Именно задачи, поставленные перед указанными органами, определяли методы осуществления следствия и дознания. Дознание, в отличие от предварительного следствия, на тот момент предполагало ограниченным набором функций и практически ничем не отличалось от существующей ныне доследственной проверки (стадия возбуждения уголовного дела) [4, с. 128]. Невзирая на предпринятые меры по изменению характера судопроизводства, достигнуть намеченной цели в виде разделения дознания и следствия так и не удалось.

Вопросы необходимости разграничений этих процессуальных форм снова актуализировались уже после Октябрьской революции 1917 года. В этот период произошли перемены во всех отраслях жизнедеятельности общества и государства; судопроизводство не стало исключением. Так, новая власть, стремившаяся к ликвидации дореволюционных институтов, не могла обойти вниманием правоохранительную и судебную системы. В связи с этим стали выстраиваться новые концепции, направленные на усовершенствование системы судопроизводства. С 1917 по 1922 годы велась теоретическая работа, касающиеся форм производства дознания. Поскольку воплощение модели обеспечения социалистической законности требовало ликвидации судебных следователей, дознание стало восприниматься как первоначальный этап судопроизводства — предварительное расследование (п. 8 ст. 28 Инструкции НКВД и НКЮ 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции» [4, с. 311]).

Важность отделения дознания от следствия была осмыслена в период принятия УПК РСФСР 1922 года. Данная мысль была

передана и в УПК РСФСР 1923 года, а затем отразилась и в УПК РСФСР 1960 года. Стоит подчеркнуть, что в последнем названном УПК идея обособления дознания от следствия была развита. Отметим, что в рассматриваемый период дознание осуществлялось лишь по делам о преступлениях, не представлявших большой общественной опасности.

В 1990-х годах в России произошли перемены, потребовавшие принципиального преобразования всей конструкции судопроизводства. В этот период взгляд на дознание также подвергся пересмотру, что нашло отражение в Концепции судебной реформы в РФ 1991 года [3]. Идеологи данной Концепции рассматривали дознание как самостоятельную процессуальную форму, которая себя исчерпала и не может более обеспечивать и реализовывать те функции и задачи, которые на нее были возложены законодателем. Однако эти доводы не были восприняты разработчиками Уголовно-процессуального кодекса 2001 года, что, тем не менее, не означало, что дознание в прежнем формате не будет оставлено без изменений [1]. Разработчики нового Кодекса, сознавая необходимость упрощения досудебного производства, ориентировались на оптимизацию процедуры дознания. Так, первоначально данная процессуальная форма имела серьезные отличия от предварительного расследования. Однако такое реформирование повлекло за собой трудности в расследовании преступлений в форме дознания, которые попытались преодолеть реформами УПК РФ 2007 года. Но в итоге границы дознания и предварительного расследования снова были размыты.

В 2013 году законодателем снова была предпринята попытка разделения рассматриваемых процедур; родился новый вид дознания — дознание в сокращенной форме. Согласно УПК РФ, при этой форме расследования дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроведение которых может повлечь невосполнимую утра-

ту следов преступления или иных доказательств, и, если такая необходимость отсутствует, то процессуальные действия можно не проводить.

Таким образом, история развития дознания как способа реагирования на преступления поддавалась множеству трансформаций. Стремление упростить процедуру расследования при дознании привело к существующей на сегодняшний день форме дознания.

Постоянные колебания законодателя и проблемы практики наглядно показывают, что на протяжении всей истории становления и развития отечественного судопроизводства и судоустройства имеет место «системный сбой», как видится, вызванный неверным определением роли и места дознания в уголовном производстве [8, с. 216]. Руководствуясь положением о том, что форма должна соответствовать существу производства, результаты дознания ранее облекались в вид устного сообщения или протокола, «в котором помещаются вместе все показания опрошенных лиц, а также все сведения, добытые наглядным наблюдением чиновника полиции или другого должностного лица» [7, с. 311].

Дознание не может рассматриваться как форма предварительного расследования со сложной процедурой закрепления собранных доказательств. Отсюда и естественное стремление к появлению упрощенных досудебных процедур, по сути, дознания в отечественном уголовном судопроизводстве. Как и задумывалось, процесс расследования малозначительных преступлений должен выглядеть как проверка поступивших сообщений о преступлении с фиксацией собранных материалов в одном протоколе с последующей его передачей непосредственно в суд. В остальных случаях по результатам проверки собранные сведения подлежат передаче следователю. Такая модель предварительного расследования будет способство-

вать повышению эффективности уголовного судопроизводства, цели и задачи которого станут достигаться оптимальными способами.

Подводя итог, отметим, что существующее в действующем законодательстве дознание в общем порядке — это не дознание в его истинном значении, а результат неверно выстроенной концепции развития отечественного досудебного производства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2022) // *Парламентская газета*. — 22 декабря 2001 г. — N 241–242, от 25 декабря 2001 г. N 243–244, от 26 декабря 2001 г. N 245.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002).
3. Постановление Верховного Совета РСФСР «О Концепции судебной реформы» от 24 октября 1991 года N 1801-I. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/9002825?ysclid=lihrat26ib474532417> (дата обращения: 06.04.2023).
4. *Собрание узаконений РСФСР*. — 1918. — № 75. — 813 с.
5. *Великая реформа: к 150-летию судебных уставов*. — [в 2 т.]. — Т. 2: *Устав уголовного судопроизводства/под ред. Л. В. Головки*. Москва: Юстицинформ, 2014. — С. 59.
6. Аристархов, А. Л. Трудности применения института дознания в сокращенной форме // *Законность*. — 2016. — № 12. — С. 112–115.
7. Квачевский, А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. — Ч. 2. — Санкт-Петербург, 1867. — 375 с.
8. Фойницкий, И. Я. *Курс уголовного судопроизводства*. — Санкт-Петербург: Альфа, 1996. — Т. 2. — 606 с.

BRIEF

**DEVELOPMENT OF INQUIRY AS A FORM
OF PRE-JUDICIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES:
HISTORICAL ASPECT**

Malaya Yu. V.,
2nd year Master's degree at the Faculty of Law,
Sochi branch of the the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Academic Supervisor: **Ratkov A. N.,**
Candidate of Law, Associate Professor,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Abstract. One of the procedures that contribute to the approximation of punishment for a criminal act committed is an inquiry. This procedural form has undergone many transformations and changes since its appearance. Considering the changing trends and difficulties encountered in the implementation of practice, it is important to consider the issue in historical retrospect. This article is devoted to the analysis of the development of inquiry as a form of pre-trial proceedings in criminal cases. The article reflects the basic concepts, stages and changes that have occurred over all periods of the existence of this procedural form.

Key words: inquiry; history; legal proceedings; law; law; history; verification.

«Совершенствование»
порядка проверки сообщения
о преступлении
и гарантии соблюдения прав и свобод
вовлеченных в нее лиц

Ратьков А. Н.,

*кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: sochiran@mail.ru*

Стукалова Т. А.,

*1 курс магистратуры, юридический факультет,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия,
e-mail: stukalovatana@gmail.com*

УДК 343.1

Аннотация. Авторы указывают на необоснованность расширения средств проверки сообщения о преступлении, когда до принятия решения о возбуждении уголовного дела разрешается производить целый ряд следственных и нерегламентированных законом непроцессуальных действий. Отмечается отсутствие процессуального статуса у лиц, вовлеченных в такую проверку; обосновывается предложение о регламенте доследственной проверки в административном законодательстве.

Ключевые слова: происшествие; преступление; проверка; непроцессуальные действия; процессуальный статус; регламент действий.

«По поступившим заявлениям и сообщениям могут быть истребованы необходимые материалы и получены объяснения, однако без производства следственных действий, предусмотренных настоящим Кодексом», — так гласила ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР 1960 года, действовавшего более 40 лет [1, с. 206]. Комментарий к этой статье разъяснял, что провозглашенный в ней абсолютизированный запрет на производство следственных действий противоречит ч. 2 ст. 178 УПК РСФСР, позволяющей производить до возбуждения уголовного дела осмотр места происшествия. Рекомендовалось руководствоваться ч. 2 ст. 178 УПК как нормой более частной и принятой позднее [1, с. 208]. То есть, при проверке заявления или сообщения о преступлении разрешалось лишь истребовать необходимые материалы, получать объяснения и производить единственное следственное действие — осмотр места происшествия.

Но даже такой минимум допускаемых действий вызвал резкую критику авторов Концепции судебной реформы в Российской Федерации, принятой в 1991 году и рассматривавшейся как основа и ориентир для переработки законодательства, призванного соответствовать новому устройству Российского государства. В ней отмечается¹, что демократической направленности предлагаемых преобразований в уголовном судопроизводстве не соответствует сохранение административной по своей природе доследственной проверки заявлений и сообщений о преступлении. «Собственно, в виде такой “проверки”, — отмечают авторы документа, — мы имеем суррогат расследования, причем ее результаты могут предрешить исход дела, а собранные материалы под названием “иные документы” — использоваться как доказательства. При этом информация добывается непроцессуальны-

¹ Употребляется настоящее время, потому как данная Концепция до настоящего времени не отменена, а значит, по-прежнему является действующим правовым актом.

ми, то есть наименее надежными в контексте уголовного судопроизводства, средствами. Сохраняется опасность существенно нарушения прав граждан на этом этапе» [2, с. 88].

Более чем через 30 лет после таких выводов в законе закреплён и детализирован, как нарочно, именно тот порядок действий, от которого авторы указанной концепции предостерегали. Набор средств проверки сообщения вырос до ранее невиданных размеров, включив в себя разнообразные следственные, административные и оперативно-розыскные действия, большая часть которых производится непроцессуальным путем. Собранные материалы на этом этапе теперь не с помощью процессуальной «хитрости», а по указанию законодателя могут использоваться в качестве доказательств, и не только в виде «иных документов». Необоснованное расширение законодателем перечня допускаемых до возбуждения уголовного дела следственных и иных (не пойми, каких?) действий, вовсе не должно служить основанием для превращения стадии возбуждения уголовного дела в стадию предварительного расследования. Однако современная до следственная проверка превратилась без каких-либо допущений именно в суррогат расследования. Именно суррогат — потому что несуррогатное расследование предполагает выверенную, четкую регламентацию производимых действий, процессуальная форма которых гарантирует объективный, достоверный результат. Современный набор проверочных действий, исключая расширенный перечень допускаемых следственных, не имеет ни четко прописанной процедуры, ни своего регламента, а, следовательно, и объективность получаемых при их производстве данных остается сомнительной. Однако, по воле законодателя, сомнительность полученных результатов не должна смущать правоприменителя, и он смело может считать их достаточными для принятия определенных решений, часто предпрещающих исход дела. Особенно опасным при этом становится императивное

предписание законодателя рассматривать уголовные дела, расследованные в сокращенной форме дознания, в особом порядке судебного разбирательства. Опасность кроется в том, что и досудебное, и судебное производство в этом случае проводятся в упрощенном порядке, когда изначально полученные без соблюдения надлежащей процедуры доказательства не исследуются и в ходе судебного разбирательства. Авторы, посвящающие сегодня свои исследования гарантиям защиты прав и свобод граждан при привлечении к уголовной ответственности, отмечают, что «... в современных условиях участие в уголовном судопроизводстве становится небезопасным» [3, с. 49].

Анализ выстраивания действующего сегодня порядка рассмотрения сообщения о преступлении приводит к мысли о том, что, чем детальнее со временем регламентируется этот этап деятельности, тем неопределеннее по содержанию становится ее процедура, тем менее остается гарантий от необоснованного вмешательства в охраняемые права и свободы граждан, вовлеченных в такую проверку. Хотя внешне все выглядит вроде бы как «разложенным по полочкам». Но «полочки» эти весьма непрочные, «захлапленные» и позволяющие вольно пользоваться тем, что на них нагромождено. Например, при таком широком спектре средств проверки сообщения о преступлении уместно ожидать, что, охраняя задействованных в проверке лиц от возможного нарушения их прав, законодатель наделит их соответствующими правами, позволяющими противостоять в случае необходимости необоснованным действиям. Однако можно утверждать, что статус этих лиц по действующему уголовно-процессуальному закону остается неопределенным.

Во-первых, эти лица не конкретизированы (персонифицированы). В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ о них говорится как о лицах, «участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении». То есть — обо всех сразу и ни о

ком персонально. Лишь в ч. 4 ст. 144 УПК РФ конкретно упоминается только заявитель. Определения других лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении, нет вообще.

Во-вторых, объем их прав и обязанностей, формирующих процессуальный статус, практически не определен. В той же ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ приводится минимальный перечень таких прав. В частности, упоминаются лишь такие, как: не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников; пользоваться помощью адвоката; обжаловать действия и решения должностных лиц, производящих проверочные действия; заявлять ходатайства о применении мер безопасности. Этот перечень прав для участников проверки сообщения о преступлении следует признать исчерпывающим, потому как нигде более в законе такие лица не упоминаются и об их правах или обязанностях речь не идет. Следовательно, говорить о наличии у этих лиц самостоятельного процессуального статуса нельзя, потому что конкретно их права и обязанности в законе (как это, к примеру, сделано для участников уголовного судопроизводства в соответствующих нормах УПК) не обособлены и не закреплены.

В-третьих, даже обозначенное в названной норме их положение следует признать усеченным. Об этих лицах говорится как о лицах, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. В соответствии с такой формулировкой права у этих лиц возникают только в случае производства процессуальных действий. Перечень же допускаемых для проверки сообщения о преступлении средств содержит в большинстве своем непроцессуальные действия. Отсюда следует, что, например, при получении объяснений, истребовании предметов и документов, назначении документальных проверок, ревизий и тому подобных непроцессуальных действиях участвующие в проверке сообщения лица никаких прав не имеют и, следовательно, обеспечивать возможность их осуществления не

требуется. Понятно, что такие лица должны наделяться правами на этом этапе производства вне зависимости от вида проверочных действий, что влечет необходимость исключения из текста рассматриваемой нормы указания на наличие прав только при производстве процессуальных действий.

Таким образом, требуется закрепление и конкретного перечня участников этого этапа проверочной деятельности, и более четкая регламентация набора их прав и обязанностей. Но в этом случае вполне резонно предположить, что таким установлениям — не место в УПК РФ. Ведь, по сути, в подавляющем большинстве случаев проверка сообщения о преступлении представляет собой административную деятельность, результатом которой чаще всего (на это указывает практика) становится решение об отказе в возбуждении уголовного дела. К. Л. Литвиненко, например, после того, как увидел в результате обобщения данных за несколько лет, что решение о возбуждении уголовного дела принимается из десяти случаев только в одном, и, напротив, решение об отказе в возбуждении уголовного дела — в каждом четвертом случае, предлагает стадию возбуждения уголовного дела переименовать в стадию отказа в возбуждении уголовного дела [4].

О том, что проверка сообщений о преступлении не является, по своей сути, процессуальной деятельностью, на протяжении многих лет говорили разные ученые [5, с. 232; 6, с. 21]. Несмотря на имеющиеся попытки обосновать другую точку зрения, И. Л. Петрухин и сегодня настаивает на том, что возбуждение уголовного дела — это рубеж, отделяющий деятельность процессуальную от непроцессуальной. По общему правилу производство следственных и вообще всех процессуальных действий возможно только после возбуждения уголовного дела [7, с. 64]. Следовательно, и регламентировать производство проверочных действий целесообразно в административном законодательстве,

не засоряя процессуальный закон упоминанием и допущением непроцессуальных действий. Но в любом случае делать это нужно, чтобы устранить отмеченную правовую неопределенность на начальном этапе уголовного преследования. «Правовая неопределенность, — указывают Д. А. Липинский и И. Е. Попов, — порождает возможность совершения процессуальных правонарушений и различных злоупотреблений процессуальными правами. Безответственность и антикультура, проявленные на стадии регламентации общественных отношений, неизбежно повлекут аналогичные явления в сфере практической реализации правовых норм» [8, с. 39].

И в заключение этого краткого исследования процедуры проверки поводов для возбуждения уголовного дела хочется выразить несогласие авторов с устоявшимся в законе словосочетанием, вынужденно повторяющимся и в названии данной статьи, — «рассмотрение сообщения о преступлении». Вывод о наличии или отсутствии в событии, о котором сообщается, признаков преступления может быть сделан только по результатам правовой оценки собранной в процессе проверки этого сообщения информации, отчего изначально вкладывать в содержание сообщения смысл, что в нем говорится о преступлении, преждевременно. Речь может идти о происшествии, но не о преступлении. И в этой связи нельзя не вспомнить исторические документы, изначально регламентировавшие рассматриваемый порядок деятельности. Например, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года устанавливалось, что проводившие проверку соответствующие лица должны были установить, действительно ли происшествие имело место и точно ли в нем заключались признаки преступления (ст. 253 УУС).

Остается дождаться того, когда в очередной раз и каким образом современный законодатель отзовется на предложения детализировать порядок проверки сообщения о преступлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР/отв. ред. В. И. Радченко; под ред. В. Т. Томина. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: Юрайт, 1999. — 730 с.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации/сост. С. А. Пашин. Москва: Республика, 1992. — 111 с.
3. Рабаданов, А. С. О гарантиях защиты конституционных прав, свобод человека и гражданина в уголовном праве: теоретико-правовые проблемы // Правовая культура. — 2021. — № 1 (44). — С. 46–51.
4. Литвиненко, К. Л. Стадия возбуждения уголовного дела: способствует или препятствует реализации права граждан на доступ к правосудию? // СПС «КонсультантПлюс».
5. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс. — Москва, 1962.
6. Сереброва, С. П. Проблемы рационализации досудебного производства: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Н. Новгород, 1995.
7. Петрухин, И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. — 2005. — № 1. — С. 60–67.
8. Липинский, Д. А. Процессуальные правонарушения как проявление правовой антикультуры / Д. А. Липинский, И. Е. Попов // Правовая культура. — 2021. — № 2 (45). — С. 36–42.

BRIEF

**“IMPROVEMENT” OF ORDER CHECKING
A CRIME REPORT AND GUARANTEES OF RESPECT
FOR THE RIGHTS AND FREEDOMS
OF THE PERSONS INVOLVED IN IT**

Ratkov A. N.,

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Stukalova T. A.,

*1st year Master’s degree at the Faculty of Law,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Abstract. *The author points out the unreasonableness of expanding the means of verifying a crime report, when a number of investigative and non-procedural actions not regulated by law are allowed to be carried out before a decision is made to initiate a criminal case. The absence of procedural status of persons involved in such an inspection is noted, the proposal on the rules of pre-investigation inspection in the administrative legislation is justified.*

Key words: *incident; crime; verification; non-procedural actions; procedural status; rules of action.*

Пробельность судебного толкования
как обязательное условие
неоднозначной квалификации
убийства женщины, заведомо
для виновного находящейся
в состоянии беременности
(п. «Г» ч. 2 ст. 105 УК РФ)

Орманджян Е. Э.,

*студентка 3 курса очного отделения,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: Eva.ormandzhyan00@mail.ru*

Научный руководитель: Пильников С. Г.,

*кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: Dr-mabuse@rambler.ru*

УДК 343.61

Аннотация. В статье автор проводит анализ всех имеющих в уголовно-правовой науке подходов к квалификации совершаемых общественно опасных деяний по признакам состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ; формулирует наиболее обоснованную оценку квалификации данного состава в условиях фактической ошибки и представляет собственную позицию по преодолению существующей в настоящее время пробельности судебного толкования указанной нормы.

Ключевые слова: квалификация преступления; убийство; заведомость; состояние беременности; фактическая ошибка; пробельность.

На сегодняшний день острой является проблема толкования квалифицирующего признака, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, — «убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности».

Еще более неоднозначной в контексте рассматриваемого признака выглядит позиция правоприменителя при квалификации указанного деяния в условиях фактической ошибки, то есть при умышленном причинении смерти женщине, которую виновный ошибочно воспринимал как находящуюся в состоянии беременности при фактическом отсутствии названного состояния.

Так, на практике возникает вопрос: как квалифицировать причинение смерти мнимой беременной женщине, а именно в условиях фактической ошибки? Обсуждения по этому поводу продолжались в течение длительного времени, в результате чего были выработаны четыре различных научных подхода к квалификации содеянного:

1. Оценка подобной ситуации по совокупности преступлений — по ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ [1, с. 155].

2. Расценивание деяния как простого убийства — по ч. 1 ст. 105 УК РФ [2, с. 234].

3. Инкриминирование виновному квалифицированного вида убийства — п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ [3, с. 187].

4. Квалификация содеянного как покушения на квалифицированный вид убийства — по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ [4].

На наш взгляд, квалификация по совокупности ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ является недопустимой, поскольку убийство мнимой беременной женщины — это единое преступление с одной потерпевшей. Основываясь же на таком

подходе к квалификации содеянного, обвиняемый будет привлечен к ответственности за одно и то же действие, предусмотренное различными частями одной статьи, что не соответствует положению, указанному в ч. 2 ст. 17 УК РФ, согласно которому совершение одного действия может быть признано совокупностью (идеальной — выделено Е. О.) преступлений, если оно содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя и более статьями УК РФ [5]. В нашем же случае действие — убийство женщины — предусмотрено частями одной статьи. Безусловно, речь не может идти и о реальной совокупности (ч. 1 ст. 17 УК РФ), поскольку мы говорим о совершении одного деяния — одного преступления.

При оценке первого из существующих подходов к квалификации налицо явное противоречие давно сложившимся правилам и требованиям квалификации общественно опасных деяний, таких как:

— квалифицированный состав имеет преимущество перед основным;

— деяние должно быть квалифицировано по той части статьи, которая предусматривает охрану наиболее важного объекта преступления.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ применение к одному единичному убийству правила о совокупности несправедливо, поскольку предполагает возможное сложение наказаний с превышением наполовину максимума санкции за квалифицированное убийство.

Следующим решением, подвергаемым анализу, является оценка содеянного по ч. 1 ст. 105 УК РФ как «простого убийства». Как представляется, при такой оценке деяния законные интересы потерпевших нарушаются в большей мере, чем даже при квалификации как покушения на квалифицированное убийство (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), ведь последнее более опасно, чем окончен-

ное простое. На наш взгляд, нельзя однозначно утверждать, что последствия в большей степени выражают общественную опасность содеянного, чем содержание и направленность умысла. При аналогичном подходе очевидным станет и признание того факта, что убийство было совершено без учета квалифицирующих обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, тем самым от надлежащей оценки уйдет направленность умысла виновного.

Например, А. Н. Попов отмечал, что если умысел виновного был направлен на совершение общественно более опасного преступления, чем фактически им содеянное, то действия виновного квалифицируются по направленности его умысла [6, с. 245]. Между тем, следует отметить, что рассматриваемые в нашей работе случаи квалифицированного убийства практически повсеместно судебной практикой оцениваются как простое убийство. Так, Г., являясь уверенным, что его сожительница Б. беременна, на почве ссоры взял охотничье ружье и выстрелил потерпевшей в голову, в результате чего наступила ее смерть. Кемеровский областной суд квалифицировал действия Г. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ, признав, что умысел на убийство заведомо беременной женщины Г. не довел до конца по независящим от него обстоятельствам, так как потерпевшая не находилась в состоянии беременности, о чем он не знал. Президиум Верховного Суда РФ исключил из указанного судебного решения указание на ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ на основании противоречия с ч. 3 ст. 17 УК РФ. Но, поскольку умысел на лишение жизни потерпевшей был им полностью реализован, и в результате его действий наступила смерть потерпевшей, содеянное было квалифицировано только по ч. 1 ст. 105 УК РФ [7].

Остается не ясным, почему Президиум Верховного Суда РФ, квалифицируя содеянное как «простое» убийство, обосновал свою точку зрения, ограничившись банальной формулировкой, что умысел Г. «был полностью реализован»? Разве соответствует

действительности итоговое признание полной реализации умысла Г. при изначальной его направленности на лишение жизни именно беременной женщины? Квалификация по ч. 1 ст. 105 УК РФ должна исключать предположение виновного о наличии состояния беременности, в противном случае мы размываем границы между квалифицированными признаками и признаками «простого» убийства.

Не можем мы согласиться и с позицией сторонников квалификации умышленного причинения смерти женщине, ошибочно принятой за беременную, как оконченного убийства, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Во-первых, на основании ч. 1 ст. 29 УК РФ преступление считается оконченным, если в деянии присутствуют все признаки состава преступления. Но для оконченного состава, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимы два признака:

- 1) беременность потерпевшей;
- 2) осведомленность виновного об этом.

Первый признак отсутствует, поэтому признать в содеянном наличие признаков оконченного состава преступления будет ошибкой. Квалифицировать рассматриваемую ситуацию по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ без ссылки на ч. 3 ст. 30 УК РФ означает признать, что для данного состава убийства не имеет значения, была ли в действительности потерпевшая беременной, важным будет только установить, что субъект преступления считал ее таковой. Но значение используемого законодателем термина «заведомость» предполагает, что потерпевшая фактически находится в таком состоянии, в противном случае состав получил бы иную законодательную формулировку — например: «убийство, совершенное по предположению виновного о беременности женщины».

Как справедливо отмечает профессор А. В. Наумов, «... такие случаи нельзя квалифицировать как оконченное убийство при отягчающих обстоятельствах, ввиду того, что последствия

данного его вида (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) предусматривают не просто смерть потерпевшей, а смерть потерпевшей, находящейся в состоянии беременности. И если в действительности такое последствие отсутствует, то содеянное не может квалифицироваться как оконченное преступление (нужно всегда иметь в виду, что это не просто убийство, а убийство при конкретном отягчающем обстоятельстве, в действительности, как это выясняется отсутствующем)» [8, с. 148].

По нашему мнению, наиболее разумной и обоснованной представляется квалификация рассматриваемого деяния как покушения на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Подтверждением этому служат правила квалификации преступления при фактической ошибке, а именно — ошибке в квалифицирующих признаках преступления. В такой ситуации уместным будет применить так называемую юридическую фикцию, когда фактически оконченное преступление квалифицируется как покушение. Такой правовой прием оправдан тем, что, хотя общественно опасное последствие в виде смерти и наступило, однако в объективной реальности оно не сопровождалось тем особым, квалифицирующим обстоятельством, которое охватывалось сознанием виновного и которое в соответствии с направленностью умысла обосновывает необходимость назначения более сурового наказания [9, с. 134].

В условиях ошибки относительно наличия квалифицирующего признака ключевым является отражение в сознании субъекта преступления отягчающего обстоятельства, а не его фактическое наличие или отсутствие. Вследствие этого, такое общественно опасное деяние должно квалифицироваться в соответствии с направленностью умысла и не может оцениваться как оконченное, поскольку фактически совершенное преступление не обладает тем квалифицирующим признаком, который повы-

шает степень общественной опасности деяния. Таким образом, совершение подобного деяния будет являться покушением на преступление с соответствующим отягчающим обстоятельством [10, с. 178].

К рассматриваемой ситуации можно применить также ошибку относительно последствий: их качественных характеристик, то есть, предвидение не наступивших последствий и количественных обстоятельств — фактические последствия оказались менее тяжкими, чем предполагаемые. Опираясь на правила квалификации, подобные заблуждения виновных будут также расцениваться по направленности их умысла — как покушение на задуманное преступление. Аналогичным образом, на наш взгляд, должны оцениваться и случаи причинения смерти женщине, по ошибочному предположению виновного находящейся в состоянии беременности. Обосновываем это суждение тем, что в его намерения входило лишить жизни именно беременную женщину, однако это намерение не было реализовано до конца по обстоятельствам, не зависящим от его воли [3, с. 234].

Таким образом, в следственной и судебной практике в настоящее время существуют противоречивые решения в части, касающейся квалификации действий субъекта преступления, посягнувшего на жизнь женщины, ошибочно воспринимаемой виновным как находящейся в состоянии беременности. В свою очередь Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК)» от 27 января 1999 года буквально проигнорировал столь непростой для правоприменителя квалифицированный состав убийства. Подобная пробельность со стороны высшей судебной инстанции нашей страны предстает обязательным условием для последующего, основанного на расхождении в оценке совершенного деяния, процесса правоприменения, по-

скольку само по себе убийство, как наиболее опасное для общества деяние, закрепленное в соответствующей уголовно-правовой норме, не имеет возможности выступать предметом ограничительного толкования.

По нашему мнению, для преодоления ошибочного и двусмысленного толкования данной нормы, устранения противоречащих друг другу судебных решений, избавления доктрины уголовного права от бесосновательных дискуссий, наиболее правильным с позиции правотворческой деятельности представляется самостоятельное устранение Верховным Судом Российской Федерации допущенной пробельности в упомянутом постановлении путем разъяснения всех возможных вариантов квалификации процесса реализации виновным лицом своего преступного намерения, направленного на причинение смерти женщине, заведомо для него находящейся в состоянии беременности: от стадии оконченного преступления до стадии неоконченного, в том числе вследствие имевшей место фактической ошибки в физиологических свойствах потерпевшей.

Кроме того, альтернативой судебному правотворчеству нам видится изменение текста действующей редакции пункта «г» части 2 статьи 105 УК РФ путем исключения из нее указания на такой субъективный признак, как «заведомость». Такое решение позволит отсеять все сомнения, касающиеся оценки деяния виновного, который причиняет смерть женщине, основываясь на ложных, но в то же время не лишенных объективного свойства обстоятельствах: собственное заверение потерпевшей или близкими ей лицами виновного о наличии у нее беременности; демонстрация подложного медицинского документа или положительного теста о наличии беременности и т. д. Считаем достаточным для усиления ответственности в случае умышленного причинения смерти женщине, фактически находящейся в состоянии беременности, вне зависимости от срока ее беремен-

ности, применение установленного на сегодняшний день в п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ критерия «заведомости» как обстоятельства, отягчающего наказание.

Не подлежит сомнению оценка действий виновного, направленных на причинение смерти женщине, добросовестно заблуждавшегося в отношении наличия у последней беременности (например, при маленьком сроке, при умолчании или сокрытии факта беременности) и не предвидевшего возможности причинения смерти потерпевшей, находившейся в состоянии беременности по ч. 1 ст. 105 УК РФ, при отсутствии, естественно, иных отягчающих обстоятельств. Следовательно, при убийстве мнимой беременной, то есть в условиях фактической ошибки в отношении наличия квалифицирующего признака или в физиологических свойствах личности, необходимо квалифицировать содеянное по направленности умысла как покушение на квалифицированный вид убийства, то есть, по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С нашей точки зрения, предложенные варианты восполнения пробела в судебном толковании и изменения законодательной формулировки квалифицирующего признака, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, позволят разрешить проблему крайне противоречивой квалификации данного состава преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Черненко, Т. Г. *Квалификация совокупности преступлений* / Т. Г. Черненко // *Вестник ОмГУ. Серия «Право»*. — 2014. — № 1. — С. 148–162.
2. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / Х. М. Ахметшин, А. Е. Беляев, Г. Н. Борзенков [и др.]; ответственный редактор В. И. Радченко; науч. ред.: А. С. Михлин, В. А. Казакова; Верховный Суд Российской Федерации. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: Проспект, 2008. — 699 с.

3. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / К. Л. Акоев, Х. М. Ахметшин, А. Е. Беляев [и др.]; под общей редакцией М. П. Журавлева, С. И. Никулина. — Москва: Спарк, 1998. — 495 с.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 06.10.2004 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2004 года» // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=20730&ysclid=lelfhiizuv54611934#WBpZyWTSiEpePB6p> (дата обращения: 25.02.23).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.02.2023).
6. Попов, А. Н. Убийства приотягчающих обстоятельствах / Попов А. Н. — Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. — 898 с.
7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19.12.2007 № 459-П07 // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=77536#tgNkxWTwpwIVn6Lv1> (дата обращения: 25.02.2023).
8. Наумов, А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации — комментарий судебной практики и доктринальное толкование / А. В. Наумов; под общей редакцией Г. М. Резника. — Москва: Волтерс Клувер, 2005. — 926 с.
9. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. — Москва: Проспект, 2015. — 231 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=375446> (дата обращения: 25.02.2023).
10. Иванов, А. Г. Субъективное отношение виновного к квалифицирующим обстоятельствам преступления: необходимость законодательной регламентации фактической ошибки / А. Г. Иванов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2022. — № 2. — С. 176–183.

BRIEF

**THE LACK OF JUDICIAL INTERPRETATION
AS A PREREQUISITE FOR THE AMBIGUOUS
QUALIFICATION OF THE MURDER OF A WOMAN
WHO IS OBVIOUSLY PREGNANT FOR THE CULPRIT
(Paragraph «d» of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code
of the Russian Federation)**

Ormanjyan E. E.,

3rd year student,

*Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

*Academic Supervisor: **Pilnikov S. G.,***

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

*Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Abstract. *In the article, the author analyzes all the approaches available in criminal law science to the qualification of socially dangerous acts committed on the grounds of the corpus delicti provided for in paragraph «d» of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the end, the most reasonable assessment of the qualifications of this composition is formulated in the conditions of an actual error and the author's position on overcoming the currently existing gap in the judicial interpretation of this norm is presented.*

Key words: *qualification of a crime; murder; knowledge; pregnancy status; factual error; gap.*

Конституция СССР 1924 года и ее революционное значение как символа новой концепции государственного устройства

Смирнов Ф. П.,

студент, факультет экономики и права,
Сочинский государственный университет,
г. Сочи, Россия

УДК 342.413

***Аннотация.** Конституция — начало начал с точки зрения образования и функционирования любого государства. Конституция страны победившего социализма — Союза Советских Социалистических Республик — не стала исключением в этом смысле. Создание первой Конституции СССР 1924 года заняло год, однако этот документ сыграл важнейшую роль в становлении страны рабочих и крестьян. Этот документ стала первой ступенью в истории молодого советского государства, заложил основы и принципы его устройства, окончательно определил статус федеративных единиц, закрепил масштабные изменения жизненного уклада населения Советского Союза. Конституция была чрезвычайно необходима для формирования политической системы страны, установления баланса прав и свобод ее граждан, создания единого правового пространства на территории колоссального государства. Особо важна по смыслу та часть первой Конституции СССР, которая касается установления прав*

и свобод ее граждан. Так, появление единого гражданства для всех граждан Союза ССР — невероятно важная отправная точка для понимания эволюции СССР как социального государства. Паспорт гражданина Советского Союза позволял без ограничений перемещаться по всей территории страны. Также институт гражданства оформил и закрепил отношения, сложившиеся между жителем страны и органами власти (государством) — у обеих сторон появились взаимные по отношению друг к другу права и обязанности. Как такового раздела о правах и свободах человека и гражданина в советской Конституции 1924 года нет, однако в ней присутствуют некоторые новые для советского человека, только начинающего жить в новой системе социально-экономических отношений, нормы права. Например, из законодательства был изъят принцип эксплуатации — использования человека человеком; были в Основном Законе Страны Советов и другие новации. В данной статье автор постарался дать ответ на вопрос, почему Конституцию СССР 1924 года следует считать самым важным нормативным правовым актом в контексте в истории Советского и Российского государства, и какие новеллы стали основополагающими для этого документа?

Ключевые слова: Конституция СССР; нормативный правовой акт; орган государственной власти СССР; статус гражданина СССР.

Конституция — наиважнейший нормативный правовой акт, без которого невозможно функционирование цивилизованного государства; это основной закон государства — фундамент его правовой системы и строя.

По мнению А. А. Мишина, Конституция — это «нормативный правовой акт высшей юридической силы государства (или

государственно-территориального содружества в межгосударственных объединениях), закрепляющий основы политической, экономической и правовой систем данного государства или содружества, основы правового статуса государства и личности, их права и обязанности» [1]. Кроме того, Конституция — высшая норма права, которой не могут противоречить другие нормы права, существовавшие до нее или принятые во время ее действия.

В целом, Конституция является уникальным по своей природе правовым явлением, так как именно она определяет права и обязанности граждан, устанавливает целиком и полностью форму государства, является базисом для создания новых норм права, а также обладает особой и сложной процедурой изменения. Располагая множеством различных и уникальных функций, Конституция играет беспрецедентную роль в жизни государства.

Союз Советских Социалистических Республик — могущественная держава, просуществовавшая по глобальным меркам совсем недолго. Официально СССР возник 30 декабря 1922 года, однако его Конституция была принята позже — более чем на год. По какой причине принятие Конституции было отсрочено? Ответ прост: Конституция — сложное и крайне важное в юридическом плане явление, требующее тщательного текстуального оформления. К тому же, известные трудности вызывает и факт того, что такой документ разрабатывался в России впервые, как и впервые выстраивалась новая модель политических, правовых, социально-экономических отношений в стране, формировалась система органов власти, определялся правовой статус индивида.

Проведем небольшой сравнительный анализ с условной предшественницей Конституции 1924 года — Конституцией РСФСР 1918 года, утвержденной III Всероссийским съездом Советов. Несомненно, оба этих нормативных правовых акта (далее также — НПА) схожи между собой по функциям и предназначе-

нию — они выполняли роль правовой основы государства нового типа. Но Конституция, созданная до образования СССР, была лишь подготовительным этапом, предпосылкой для появления совершенно нового социального устройства. В то же время Конституция СССР уже окончательно закрепляла масштабные изменения, произошедшие во всех сферах жизни общества и государства, включая регулирование положения административно-территориальных единиц в Союзном государстве.

Именно поэтому Конституция для СССР — факт чрезвычайной важности, имеющий революционное значение как символ новой концепции государственно-правового устройства. Конституция стала провозвестником нового уклада жизни для граждан СССР, поскольку в основу конструкции Советского Союза полагалась нормативная база, по-новому рассматривающая феномен государства; по-другому, с позиций социалистической философии трактовавшая понятия «право» и «общество».

Рассмотрим содержание Конституции СССР более подробно.

Конституция 1924 года включала в себя два раздела:

- первый: Декларация об образовании СССР;
- второй: Договор об образовании СССР.

Договор, в свою очередь, содержал 11 глав, определявших и устанавливавших предметы ведения новых органов государственной власти (далее — ОГВ). Декларация об образовании юридически закрепляла территориальный состав и статус четырех республик: РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР. Обратим внимание: по своему территориальному статусу республики фактически выступали субъектами Федерации, подчиняющимися верховному органу власти страны — Съезду Советов СССР.

Есть основания полагать, что основной функцией Конституции СССР 1924 года было объединение отколовшихся во время распада Российской империи ее бывших территорий. Таким образом, смысл Договора подразумевал укрепление государствен-

ности посредством создания целостной системы высших и местных ОГВ для установления и поддержания правопорядка, а также формирования политической системы страны.

Новеллы Конституции СССР 1924 года можно смело назвать главными интеграторами государства и народа. Опираясь на положения этой Конституции, СССР взял курс на строительство социалистического общества в отдельно взятой стране.

Как было сказано выше, Конституция учреждала новые типы ОГВ, а именно: Съезд Советов — высший орган власти, Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) — высший орган власти в период между созывами Съездов; Президиум ЦИК — высший законодательный и исполнительный орган в промежутках между сессиями ЦИК, Совет Народных Комиссаров (СНК) — высший исполнительный и распорядительный орган власти и др.

Конечно же, у этих вновь образованных государственных структур были свои компетенции, подразделявшиеся на внешние и внутренние. К внешним функциям относились: официальное представительство, решение вопросов о получении гражданства, вопросы займа денежных средств, вопросы войны и мира, а также внешняя торговля. К внутренним — планирование народного хозяйства, руководство транспортной системой, разработка и планирование общесоюзного бюджета, ведение единой денежно-валютной системы, а также ведение уголовным и гражданским законодательством и судопроизводством.

Особый интерес представляют для нас внутренние функции: они распространялись на территорию всей страны и реализовывались ОГВ на местах. Благодаря главенству принципа федерализма эти компетенции воплощались в жизнь весьма эффективно.

Особо важная по смыслу часть Конституции СССР 1924 года — часть, посвященная установлению прав и свобод человека и гражданина [2].

Появление единого гражданства для всех жителей Союза ССР — краеугольный камень в строительстве социального советского государства.

Паспорт гражданина позволял без ограничений перемещаться по всей территории СССР. Также институт гражданства зафиксировал комплекс правоотношений между индивидом и государством — у обеих сторон появились взаимные права и обязанности.

Как такового выделенного раздела о правах и свободах человека и гражданина Конституция 1924 года не содержала, однако в ней присутствуют некоторые новые нормы права. Например, из законодательства, по сравнению с предыдущими историческими периодами, была искоренена идея использования человека человеком (эксплуатации). Правда, при этом возникла новая форма гражданских обязанностей — «трудовая повинность» [3], которая фактически представляла собой ту же эксплуатацию, но уже со стороны не «хозяина», а государственной машины. Но в то же время был сделан огромный шаг в направлении расширения трудовых прав граждан. И поскольку основной движущей силой политических и социальных преобразований в СССР того времени были рабочие, то идея нового формата взаимоотношений рядового труженика (трудового коллектива) и государственного заказчика была особенно актуальна.

Таким образом, Основной Закон СССР следует рассматривать не только как чисто нормативный документ, но и как инструмент социального переустройства. Новая Конституция позитивно повлияла на энтузиазм трудовых масс, повысила лояльность населения к новой власти, мобилизовала граждан на строительство нового государства на руинах бывшей империи и в условиях разрухи, царившей после гражданской войны. При этом идеи уравнивания в политических правах мужчин

и женщин пока что не поднимались в тексте Основного Закона. Однако появилась и стала активно прирастать сторонниками идея строительства светского государства — когда церковь (религия) оказывалась отделенной от системы образования и государственного управления; появились положения о свободе совести, способствовавшие прекращению гонений в обществе на атеистов и пр.

Подводя итог нашим рассуждениям, можно сделать вывод, что первая Конституция СССР 1924 года — новое, подлинно революционное по своему содержанию правовое явление. Этот нормативный правовой акт был и остается уникальным памятником отечественной истории государства и права, так как во многом именно он стал предтечей той страны, в которой мы сегодня живем, — страны, которую называем Новой Россией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мишин, А. А. *Большая советская энциклопедия: [в 30 т.]/гл. ред. А. М. Прохоров. — [3-е изд.]. — Москва: Советская энциклопедия, 1969–1978.*
2. *Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) (с изменениями и дополнениями) (прекратила действие). — Глава II. — Ст. 7. — URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/185480/.*
3. *Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) (с изменениями и дополнениями) (прекратила действие). — Гл. I — гл. IV. — Ст. 1 — ст. 18. — URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/185480/.*

BRIEF

**THE CONSTITUTION OF THE USSR OF 1924
AND ITS REVOLUTIONARY SIGNIFICANCE AS A SYMBOL OF A NEW
CONCEPT OF STATE STRUCTURE**

Smirnov F. P.,

*Student of the Faculty of Economics and Law
of the Department of Criminal and Civil Law and Procedure
Sochi State University, Sochi, Russia*

Abstract. *The Constitution is the beginning of the beginnings for the formation and development of any state, and the first Constitution of the USSR was no exception. Its creation took a year, but this document played a significant role in the formation of the fragile Union. The Constitution became the first stage in the development of the new state, laid the foundations and principles, it finally defined the statuses of federal units, consolidated large-scale changes in all layers of citizens' lives. The Constitution was extremely necessary to create balance and balance in the newly born state, it became the starting point in its history. A particularly important part in the meaning of the first Constitution is the establishment of human and civil rights and freedoms. The emergence of a single citizenship for all citizens of the Union is an incredibly important point from which the development of the social state of the USSR began. A citizen's passport allowed him to move around the entire territory of the USSR without restrictions. Citizenship also reliably established and consolidated the relationship between the individual and the state by ties of citizenship — mutual rights and obligations appeared. As such, there is no section on the rights and freedoms of man and citizen in the Constitution, but it contains some new norms of law for a Soviet person. For example, the idea of using a person by a person was*

eradicated from the legislation, that is, allegorically, the prohibition of slave labor on his master. So, in the end, why exactly is the Constitution of the USSR of 1924 the most important normative legal act in the history of the Soviet state? Which novels have become fundamental?

Key words: *The Constitution of the USSR; a normative legal act; a state authority of the USSR; the status of a citizen of the USSR.*

Состояние и перспективы рынка недвижимости в Российской Федерации

Гунина Е. Н.,

генеральный директор ООО «Экспертное бюро»,
кандидат экономических наук, доцент,

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Балязин А. И.,

аналитик ООО «Экспертное бюро»,
г. Ростов-на-Дону, Россия

УДК 332.025

***Аннотация.** В статье раскрываются текущие проблемы рынка недвижимости в России, а также анализируются возможные перспективы его дальнейшего развития. Рынок недвижимости, равно как и строительная отрасль, являются одними из ключевых источников формирования ВВП России, и, следовательно, динамика этих направлений экономики заслуживает особого внимания как со стороны участников рынка, так и со стороны экспертов и государственного регулятора.*

***Ключевые слова:** рынок недвижимости; строительная отрасль; инфляция; норматив цены строительства; инвестиции.*

На текущий момент строительная отрасль и рынок недвижимости в России являются важнейшими драйверами российской экономики, поскольку эти в эти сферы демонстрируют постоянный и уверенный рост; кроме всего проче-

го, в них присутствует высокая конкуренция, вовлечены значительные трудовые ресурсы (разного рода специалисты, продавцы, покупатели — как физические, так и юридические лица).

Процессы, происходящие в области строительства и операций с недвижимостью, несомненно, оказывают существенное влияние на национальную экономику.

Состояние рынка недвижимости зависит от множества факторов, таких как:

- общая политическая и социально-экономическая ситуация в стране;
- ключевая ставка Центробанка России, а также ставки по ипотеке;
- количество вводимых в эксплуатацию объектов в стране;
- соотношение спроса и предложения;
- величина инфляции;
- доходы населения страны и его численность.

Анализ рынка недвижимости следует начинать с изучения общей политической и социально-экономической ситуации в стране, поскольку данный фактор является ключевым, оказывающим влияние и на иные факторы рынка недвижимости.

В первую очередь следует отметить удельный вес операций с недвижимостью в объеме ВВП страны. По оценкам Росстата, объем ВВП России за 2022 г. в текущих ценах сложился в размере 151 455,6 млрд рублей. Индекс физического объема относительно 2021 г. при этом составляет 97,9%. Индекс-дефлятор ВВП за 2022 г. по отношению к ценам 2021 г. зафиксирован на отметке 114,3%.

Вклад строительной деятельности, а также деятельности по операциям с недвижимым имуществом в общий объем ВВП составляет 7 219,4 млрд рублей и 15 004,6 млрд рублей, соответственно (5,2% и 10,7%) [1]. Из этого следует, что номинальный рост общего ВВП произошел не за счет роста объема выпускаемых товаров и оказываемых услуг по базовым видам экономиче-

ской деятельности, а за счет существенного роста цен на них. В то же время, несмотря на высокий рост цен в экономике в целом, физический объем ВВП по части строительной деятельности и операций с недвижимым имуществом увеличился не только за счет роста цен и валовой добавленной стоимости, но и за счет увеличения объема выпуска по данным видам деятельности, — таким образом, рынок недвижимости как был, так и остается одним из основных локомотивов экономики России; и предложение на этом рынке продолжает расти.

По данным аналитического центра «Дом.РФ», объем нераспроданного жилья в 2022 году достиг 69,6 млн кв м (порядка 70% всего объема строящегося жилья). В то же время на рынке недвижимости имеет место сдерживание застройщиками активности в сфере продаж. По данным ресурса ЕРЗ.РФ, только 43% квартир из опубликованных в 2022 году проектных деклараций открыты для продажи [2]. Данное явление говорит о том, что застройщики, сокращая предложение, стремятся удержать цены на новое жилье от падения, создавая своими действиями искусственный дефицит на рынке.

Реальные располагаемые денежные доходы граждан снизились на 1% в 2022 году по сравнению с 2021 годом. Данный фактор говорит о том, что покупательская способность физических и юридических лиц уменьшилась существенно, если к этому добавить также рост цен на товары и услуги, то условия для ощутимого снижения спроса очевидны.

С 2022 года Росстат не публикует внешнеторговую статистику (в том числе данные об экспорте, импорте и структуре оттока капитала), в связи с чем качество анализа экономической статистики снижается.

Инфляция по итогам 2022 года (по данным Росстата) составила 11,94%, а прогноз инфляции по данным ЦБ РФ на 2023 год составляет 5–7%.

Согласно Федеральному закону от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов», доходы федерального бюджета в 2023 году запланированы в размере 26 130,3 млрд рублей, расходы — на уровне 29 055,6 млрд рублей, образующийся, таким образом, дефицит — 2 925,3 млрд рублей.

Однако, по данным Минфина РФ, дефицит бюджета за январь-февраль 2023 года составил 2 582,6 млрд рублей, что равно приблизительно 88% от общего запланированного дефицита к концу года, что в свою очередь может косвенно указывать на присутствие тенденции к росту фактического дефицита бюджета к концу года над запланированным [4].

С 19 сентября 2022 г. действует ключевая ставка, установленная Банком России, — 7,5% годовых, что практически совпадает по времени с разворотом нисходящего тренда на восходящий курс таких валют, как евро и доллар США, к рублю [3].

Ниже представлена динамика курсов евро и доллара США к рублю по данным онлайн-ресурса Banki.ru [5].

Рисунок 1. Курсы валют Евро и Доллара США к Рублю.

Рисунок 2. Курсы валют (евро и доллар США) к рублю.

Таким образом, рост евро к рублю составил около 50%, рост доллара США к рублю — около 37%.

Рынок недвижимости — это рынок объектов, обладающих высокой стоимостью и возможностью длительной эксплуатации. В то же время строительная отрасль в РФ в высокой степени зависит от импортной продукции. Если в отношении строительных материалов зависимость от импорта не столь критична, то в отношении оборудования, используемого при производстве отечественных стройматериалов, зависимость фатальна.

31 мая 2022 года состоялось заседание Комиссии РСПП по строительному комплексу на тему «Импортозависимость и возможности импортозамещения в строительной отрасли. Дорожная карта по реализации». Согласно выводам исполнительного директора ООО «СМПРО» Евгения Высоцкого, подавляющее большинство заводов использует импортное оборудование. Зависимость от такого оборудования при производстве кирпича, цемента, теплоизоляции составляет от 80 до 100%, поскольку выпуск такого оборудования в России не осуществляется [6].

Предпринимаемые властями шаги по внедрению практики параллельного импорта могут лишь частично компенсировать потребность производителей строительных материалов и застройщиков, однако сама по себе такая практика удлиняет логистическую цепочку, что неизбежно ведет к дополнительным издержкам, тем самым увеличивая стоимость готовой продукции для конечного потребителя. Дополнительным негативным фактором в то же время является продолжающееся ослабление российского рубля по отношению к основным валютам.

Увеличение стоимости строительства жилья подтверждается динамикой нормативов цен строительства, ежегодно публикуемых Минстроем РФ, которые используются при планировании инвестиций, для дальнейшей оценки эффективности проекта (Укрупненные нормативы цены строительства. Сборник № 01. Жилые здания) [7].

В качестве примера ниже приведены нормативы цен строительства жилых зданий повышенной этажности (11–16 этажей), с несущими стенами из кирпича и облицовкой лицевым кирпичом, исходя из стоимости 1 кв м общей площади квартир (см. табл. 1).

Таблица 1

Площадь, кв м	По состоянию на 01.01.2022 г., тыс руб./кв м	По состоянию на 01.01.2023 г., тыс. руб./кв м
18 235	59,93	68,05
18 340	60,04	68,58

Как видно табличных данных, норматив цены строительства аналогичных многоквартирных жилых домов увеличился почти на 14%.

Однако следует учесть, что, хотя данные нормативы и показывают величину минимальных, но достаточных вложений, в то же время это укрупненный показатель, и он не учитывает индивидуальных особенностей каждого объекта, в связи с чем на этапе проектирования и формирования сметы строительства,

стоимость строительства, как правило, выше той, что была определена на основе показателей нормативов цены строительства.

Несмотря на снижение спроса и увеличение предложения на рынке недвижимости и, в частности, на рынке жилья, сохраняется устойчивая тенденция к росту цен во всех сегментах рынка, за исключением продажи квартир в новостройках.

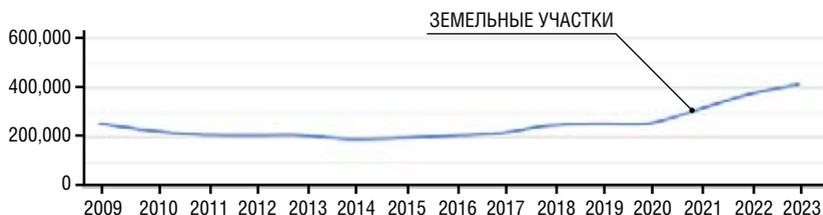
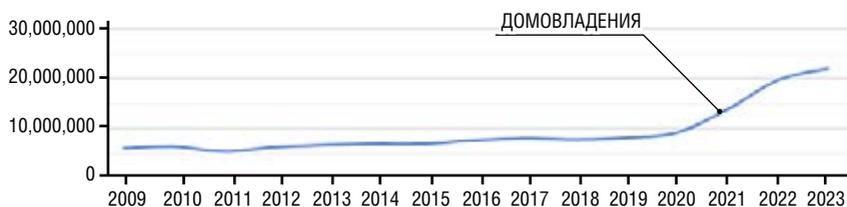
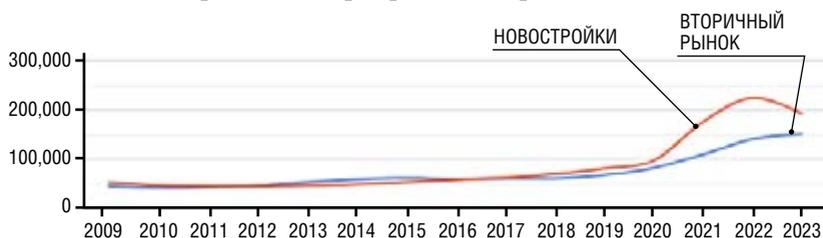

Таблица 2

Год	Квартиры руб./м ²	Вторичн./ новостр., руб./м ²	Дома, руб.	Земля, руб./100 м ²	Аренда 1-комн. кв, руб.
2020	82 571	82 155/96 636	9 174 255	256 511	11 150
2021	117 611	109 599/176 263	13 844 316	313 305	12 897
2022	151 845	140 888/224 763	19 676 526	373 295	14 794
2023	155 477	151 351/191 294	21 935 340	413 016	15 738

Таблица 3

Год	Офисы, руб./м ²	Торговые площади, руб./м ²	Гаражи, руб./м ²	Аренда торговых площадей, руб./м ² /год	Аренда офисов, руб./м ² в год
2020	84 059	198 254	437 163	15 048	24 402
2021	111 421	201 814	502 596	17 609	21 327
2022	126 277	255 272	577 886	19 052	25 310
2023	155 713	266 846	715 232	19 982	26 910

Источник: данные портала Росриелт [8]

На основании представленных выше информации можно прийти к выводу, что законы рынка не всегда действуют. Несмотря на снижение спроса и увеличение предложения, снижения цены предложения на предлагаемые к продаже/аренде объекты недвижимости не произошло, что свидетельствует о высокой степени неопределенности среди покупателей, а также о стремлении продавцов компенсировать возросшие издержки от будущих и действующих проектов.

Снижение цен на квартиры в новостройках объясняется тем, что застройщики не только субсидируют ипотеку по продаваемым квартирам, но и снижают цену предложения с целью как можно скорее вернуть вложения. Дополнительным фактором также может являться то, что многоквартирные жилые

дома довольно редко возводятся полностью за счет собственных средств застройщика, в большинстве случаев для этого привлекаются заемные средства, которые необходимо возвращать с процентами.

В остальных сегментах рынка недвижимости снижения цен не наблюдается. На вторичном рынке отсутствие снижения цены можно объяснить тем, что продавцами выступают, как правило, физические лица, планирующие переехать в новое жилье, приобретаемое по факту продажи прежней недвижимости (квартиры или домовладения). Льготные ставки по ипотеке действуют только на жилье в новостройках, на вторичном рынке стимулирование спроса отсутствует, что толкает продавцов на повышение цены продажи собственной недвижимости с целью компенсировать рост ставок по ипотеке.

Цены на земельные участки в Российской Федерации также не имеют тенденции к снижению, что объясняется рыночными факторами. Свободной земли в черте крупных городов в результате интенсивной застройки становится всё меньше, следовательно, имеющиеся свободные участки становятся более привлекательными для застройщиков и иных участников рынка.

Поскольку земля — ограниченный ресурс, рост цен на нее обусловлен формулой «чем ее меньше, тем она дороже». Кроме того, в отличие от труда и капитала, полностью отсутствует мобильность такого ресурса, и, значит, решающим фактором в формировании цены земельных участков становится их месторасположение и назначение.

В крупных городах незастроенные участки, как правило, предлагаются к продаже в небольшом количестве и пользуются большим спросом у застройщиков. Загородные же земельные участки стали особенно популярны в период «локдаунов», во время ковид-пандемии. Переход многих граждан на удаленный формат работы стал катализатором роста спроса на загородную

недвижимость и на земельные дачные участки, что стало причиной скачкообразного роста цены.

За три года (с 2020 года по 2023 год) рост цен на землю в среднем по России составил 61% (с 256 511 рублей до 413 016 рублей).

Продажная цена офисных и торговых помещений, по состоянию на 2023 года, выросла на 85% и 35% по отношению к 2020 году, и данный рост в большей степени связан с подорожавшими стройматериалами.

Что касается рынка аренды, то цена за 1 кв м офиса росла медленнее, чем аналогичный показатель у торговых помещений, что также объясняется внедрением удаленного формата работы во многих компаниях, в результате чего договоры на аренду офисов не продлевались, и на рынке увеличилось предложение. Цена предложения об аренде офиса в среднем по России в 2023 году подросла на 10% относительно уровня 2023 года (с 24 402 рубля до 26 910 рублей). Аренда же торговых помещений в целом выросла пропорционально цене продажи торговых помещений (примерно на 33% в 2023 году против цен 2020 года); здесь стоит учитывать что ковид-пандемия в целом не затронула сотрудников в сфере торговли в части перехода на удаленный формат работы.

Что касается участия банковского сектора в операциях на рынке недвижимости, то считаем важным обратить внимание на динамику средневзвешенных ставок по ипотеке и изменение количества выданных ипотечных кредитов:

Таблица 4

Показатель	2019	2020	2021	2022	2022/2021
Количество выданных ипотечных кредитов, тыс. ед.	1 312	1 780	1 909	1 327	-30%
Объем выданных ипотечных кредитов, млрд руб.	2 935	4 445	5 700	4 813	-16%

Источник: данные портала Росриелт [8]

Таблица 5

Показатель	2019	2020	2021	2022	2022/2021
Средневзвешенная ставка по ипотеке, % годовых	9,9	7,7	7,5	7,2	– 0,3 п. п.
На первичном рынке	9,4	6,3	5,9	4,3	– 1,6 п. п.
На вторичном рынке	10,1	8,4	8,3	9,3	+ 1,0 п. п.

Источник: данные портала Росриелт [8]

Как видно из содержания таблиц, средневзвешенная ставка по ипотеке на первичном рынке показывает отрицательную динамику как на протяжении четырех лет, так и в 2022 году относительно 2021 года, на вторичном рынке — незначительное повышение в 2022 году относительно 2021 года.

В то же время количество выданных кредитов в 2022 году снизилось существенно по сравнению с таким же показателем 2021 года, хотя сумма выданных кредитов уменьшилась не пропорционально.

Из этого можно сделать вывод, что вследствие удорожания недвижимости, а также в результате неопределенности на рынке снизился спрос на приобретение в ипотеку жилья, хотя стоимость кредита в целом уменьшилась.

Сам по себе показатель спроса на рынке недвижимости достаточно непрозрачен, и определить точную его величину практически невозможно, однако тот факт, что в 2022 году около 70% строящегося жилья не было распродано, говорит о большом разрыве между спросом и предложением.

Таким образом, неопределенность, а также социально-экономическая обстановка являются следствием того, что на рынке недвижимости в России, несмотря на стимулирование спроса со стороны государства, наблюдается снижение спроса на приобретение недвижимости, равно как и на сдачу его в аренду. Рост цен на строительные материалы, а также рост процентных ставок по

кредитам в значительной степени отталкивают покупателей. Для застройщиков возможности по изменению цен на предлагаемые объекты ограничены в результате обострившейся конкуренции, и в дополнение к этому девелоперы вынуждены увеличивать свои издержки на субсидирование ипотеки для покупателей.

Кроме того, в результате превышения предложения на рынке недвижимости над спросом увеличивается период экспозиции объектов, и продавцы при формировании цены, как правило, закладывают данный фактор, что ведет также к неизбежному ее росту.

Отсутствие собственного производства оборудования, используемого при производстве строительных материалов, также является негативным фактором для строительной отрасли в целом, и в случае непринятия необходимых мер ставит под угрозу ее существование, поскольку практика параллельного импорта, используемая в настоящее время предприятиями, не может полностью удовлетворить потребность в специализированном оборудовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Росстат. Социально-экономическое положение России, январь 2023 г. — URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2023.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Дом.РФ. Обзор жилищного строительства 2022. — URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/upload/iblock/8a2/hboqccub5re4hmoac9c9s3206fлp5pq1.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).
3. ЦБ РФ. Ключевая ставка. — URL: https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 20.04.2023).
4. Минфин России. Информация об исполнении федерального бюджета. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=80042-informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta (дата обращения: 20.04.2023).

5. *Банки.ру. Курс российского рубля. Динамика курса российского рубля (RUB) к доллару, евро, за месяц и год. — URL: <https://www.banki.ru/products/currency/rub/> (дата обращения: 20.04.2023).*
6. *Агентство новостей «Строительный бизнес». Зависимость строительной отрасли России от импортного оборудования и сырья фатальна. — URL: <http://ancb.ru/publication/read/13140> (дата обращения: 21.04.2023).*
7. *Приказ Министерства строительства и жилищнокоммунального хозяйства Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. N98/пр «Об утверждении укрупненных нормативов цены строительства», Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 22 февраля 2023 г. N120/пр «Об утверждении укрупненных нормативов цены строительства».*
8. *Росриэлт.ру. Цены на недвижимость в России. — URL: <https://rosrealty.ru/cena> (дата обращения: 21.04.2023).*
9. *Дом.РФ. Обзор рынка ипотечного кредитования 2022 год. — URL: <https://xn-d1aqf.xn-p1ai/upload/iblock/3ec/khhrccrf6wzzbu157urm5vkw5b8oj1jo1.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).*

BRIEF

**STATUS AND PROSPECTS OF THE REAL ESTATE MARKET
IN RUSSIAN FEDERATION**

Gunina E. N.,
CEO of LLC «Expert bureau»,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Southern State University, Rostov-on-Don, Russia

Balyazin A. I.,
Analyst of LLC «Expert bureau», Rostov-on-Don, Russia

Abstract. *The article studies the current problems of the real estate market, as well as prospects for its further development. The real estate markets, as well as the construction industry are one of the key sources of Russia's GDP, and therefore market dynamics deserve close attention from market participants as well as by the expert and authorities.*

Key words: *real estate market; construction industry; inflation; construction price standard; investment.*

К вопросу о совершенствовании объективных признаков категории «хищение» в уголовном праве России

Толстых С. М.,

*2 курс магистратуры, юридический факультет,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: simona.78889@gmail.com*

*Научный руководитель: Пильников С. Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: Dr-mabuse@rambler.ru*

УДК 343.7

Аннотация. В данной статье автор рассматривает одну из наиболее популярных в доктрине уголовного права категорий — «хищение», законодательное определение которой на протяжении длительного времени в среде специалистов вызывает порой кардинальные разногласия относительно правильного толкования смысла, заложенного органом правотворчества в предложенные им признаки. Особо подчеркивается давно назревшая необходимость пересмотра позиции о крайне неудачном, во многом дискуссионном юридическом закреплении объективных признаков хищения. Автор, соглашаясь с рядом исследователей уголовной науки, приходит к выводу, что наиболее правильным и конструктивно точным решением указанной проблемы является нормативное изме-

нение действующей редакции примечания 1 к ст. 158 УК РФ посредством закрепления в дефиниции хищения термина «завладение».

Ключевые слова: правовая категория; хищение; юридическая конструкция; признаки хищения; чужое имущество; завладение.

Большинство преступлений против собственности обладают единой составляющей, именуемой хищением, которое проявляется в общности многих объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 158–162, 164 УК РФ, что позволяет отнести их к одной из групп классификации имущественных преступлений. Суть хищения очень точно подметил А. И. Бойцов: «... совершая хищение, виновный вступает во взаимодействие не с вещью, а с ее собственником и нарушает не отношение последнего к вещи, а существующие между людьми отношения собственности, покоящиеся на различении своего и чужого» [1, с. 21].

Понятие хищения, как уже было отмечено, содержится в первом примечании к ст. 158 УК РФ, при этом законодателем оговорено, что дефиниция хищения распространяется на все статьи «настоящего Кодекса», а не ограничивается только преступлениями против собственности. Такая трактовка справедливо оспаривается рядом специалистов в области уголовного права. Так, по мнению А. Г. Безверхова, законодательная дефиниция хищения, изложенная в примечании к ст. 158 УК РФ, нуждается в ограничении круга деяний, подпадающих под ее юрисдикцию, составами, предусмотренными ст. 158, 159, 160, 161, 162 и 164 УК РФ; иные нормы закона, регламентирующие ответственность за совершение так называемых «общеопасных» хищений (например, ст. 226, 229 УК РФ), требуют разработки нового юридического ин-

струментария, предназначенного для уголовно-правовой охраны общественных отношений, не относящихся к вещной собственности [2, с. 103]. В противном случае, продолжает С. М. Кочои, правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ в отношении хищения изъятых из оборота или ограниченных в ней предметов, выраженная в соответствующих постановлениях¹, будет вступать в противоречие с легальной дефиницией хищения [3, с. 110]. Схожую позицию в вопросе раздельного сосуществования понятия «хищение», употребляемого в контексте главы 21 УК РФ, и понятия, предназначенного для других глав и разделов уголовного закона, занимают многие правоведаы [1, с. 293; 4].

Вместе с тем, принимая во внимание, что предметом анализа в настоящей статье выступают лишь отдельные признаки юридической природы категории «хищение», мы остановимся на тех из них, которые, как представляется, имеют непосредственную связь с указанными выше предложениями о разделении названной категории на две составляющих, толкование которых будет носить самостоятельный характер и зависеть от сферы применения. Такими признаками, безусловно, является указание законодателя на объективные свойства любого хищения, заключенные в изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу винного или других лиц.

Однако, прежде всего, считаем уместным обозначить собственную позицию относительно заложенного законодателем смысла в использованный им прием юридической техники, раз-

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

деливший не только объективную сторону хищения, но и доктрину уголовно-правовой науки, посредством употребления в названной дефиниции, казалось бы, взаимоисключающих союзов «и» и «или».

Подобное сочетание соединительного и разделительного союза, на наш взгляд, было сознательным шагом, позволяющим констатировать наличие трех возможных способов хищения:

- 1) изъятие имущества в пользу виновного или других лиц;
- 2) изъятие и обращение имущества в пользу виновного или других лиц;
- 3) обращение имущества в пользу виновного или других лиц.

В связи с этим стоит критически оценивать встречающиеся в юридической литературе предложения об альтернативном использовании в дефиниции хищения названных действий, как это предлагалось, например, С. Ф. Милюковым: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимается общественно опасное противоправное изъятие чужого имущества с целью распорядиться им как собственным либо обращение такового имущества в пользу виновного или других лиц» [5, с. 232].

Изъятие и обращение, выступая в качестве описания преступного деяния при хищении, являются предпосылкой для конкретизации формы хищения и неразрывно связаны с определением момента ее окончания. Последовательность совершения действий при хищении в форме кражи, мошенничества, грабежа и разбоя такова, что виновный вначале изымает (при мошенничестве изъятие «скрыто» под добровольной передачей потерпевшим имущества виновному) чужое имущество, а затем стремится обратить его в свою пользу или в пользу иных лиц.

Что касается хищения в форме присвоения или растраты, то здесь всё не так однозначно. По мнению ряда авторов, для данной формы хищения изъятие не является обязательным признаком, а предполагает только обращение имущества в пользу, поскольку

речь идет об имуществе, вверенном виновному, т.е. предварительно не изымаемому. Уже упоминавшийся нами А.Г. Безверхов указывает: «лицу, у которого предмет предстоящего преступления находится в «руках» незачем его изымать с целью обращения в свою пользу или пользу других лиц» [6, с. 69]. В определенном смысле А.Г. Безверхов прав, поскольку предмет преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, будучи вверенным виновному, изначально фактически находится у него, но соотносить значение изъятия и к присвоению, и к растрате, как к двум самостоятельным формам хищения, — вопрос достаточно спорный.

Противоположного взгляда придерживается один из составителей учебника по уголовному праву Э.С. Тенчов, полагающий, что изъятие в широком смысле, присущее всем без исключения формам хищения, — это «вывод вещей из сферы, подвластной собственнику, в том числе и теми лицами, которым сам собственник вверил свое имущество (бухгалтер, кассир, продавец. и т.п.)» [7, с. 207].

В последнее время в доктрине уголовного права всё чаще звучат призывы о целесообразности использования в законодательном определении хищения вместо словосочетания «изъятие и (или) обращение» термина «завладение». При этом одни исследователи приходят к этому выводу с точки зрения анализа лингвистических особенностей понятия хищения, а именно исходя из значения в русском литературном языке существительного «завладение», которое законодатель заложил в существительные «изъятие» и «обращение», не имеющие такого значения вне уголовно-правовой сферы [8, с. 163]. Другие убеждены, что использование термина «завладение» обусловлено тем, что «противоправная имущественная выгода может быть получена и без обращения имущества в свою пользу, за счет противоправного использования владельцем чужого имущества» [9]. По мнению С.А. Елисеева, термин «завладение» вполне способен заменить объективную сторону всех преступлений, охватываемых поня-

тием «хищение», поскольку именно «завладение» передает как «действие в составе преступления, так и момент окончания преступления» [10, с. 25–26].

В то же время в научной литературе встречаются и неоднозначные взгляды среди правоведов на изменение содержания объективных признаков категории «хищение», воспроизводимые, в частности, как «противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом, сопряженное с его изъятием из владения собственника или иного владельца, причинившее ущерб, совершенное с целью распоряжения им по усмотрению виновного» [11, с. 42]. Представляется, что использование такой дефиниции хищения лишь расширяет границы ее полемичности и будет признано неверным, в первую очередь, с чисто лингвистических позиций.

Актуальным и безмерно востребованным в данном вопросе нам представляется взгляд судебного толкования, особенно прослеживающийся в разъяснениях, адресованных правоприменителю при уголовно-правовой квалификации мошенничеств, а также присвоения и растраты. Обратившись к Постановлению Пленума ВС РФ № 48 от 30.11.2017 г. (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее — Постановление ПВС РФ № 48), мы увидим, что судебная инстанция в части, касающейся уголовно-правовой оценки мошеннических действий, уходит от использования в описании объективной стороны и термина «изъятие», и термина «обращение», заменяя их на «неправомерное завладение»¹. Лишь единожды в контексте толкования мошенничества упоминается «изъятие» — там,

¹ См. п. 8 Постановления ПВС РФ № 48: «Неправомерное завладение денежными средствами, иным чужим имуществом или приобретение права на него путем предъявления (представления) чужих личных или иных официальных документов... в зависимости от непосредственного объекта посягательства и иных обстоятельств дела квалифицируется как мошенничество, соответственно, по ст. 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

где предметом регулирования выступают безличные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, когда происходит их изъятие с банковского счета владельца [12].

Что касается второго объективного признака хищения — «обращения», то ему высший судебный орган РФ в упомянутом выше постановлении уделяет куда больше внимания не только с точки зрения количественной характеристики, но и, что наиболее значимо, в качественном отношении. Во-первых, обращение вверенного имущества в свою пользу предстает в качестве синонима такой формы хищения, как *присвоение*: «... присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном **обращении** (выделено нами — С. Т.) лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника» (п. 24 Постановления ПВС РФ № 48). Во-вторых, не исключается обращение и при растрате: «Противоправное, безвозмездное обращение имущества, вверенного лицу, в свою пользу или пользу других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, должно квалифицироваться судами как присвоение или растрата при условии...» (п. 23 Постановления ПВС РФ № 48). Однако в абзаце 3 пункта 24, раскрывая непосредственное содержание растраты, признак «обращение» отсутствует: «Как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам». Изложенное позволяет нам сделать вывод, что обращение необходимо соотносить только с присвоением вверенного имущества. Также очевидным из анализа приведенных разъяснений для нас является и то, что судебная инстанция сама столь противоречивым использованием признака «обращение» в том или ином контексте подводит законодателя к необходимости замены объективного признака

хищения — «изъятие и (или) обращение чужого имущества» на «завладение чужим имуществом» [13, с. 22].

И последним в логической цепочки контекстуальности завладения в дефиниции хищения предстает Обзор правовых позиций, отраженных в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, принятых в четвертом квартале 2022 года по вопросам налогообложения, направленный для использования в работе Федеральной налоговой службы России, где предельно четко в разъяснениях, касающихся определения признаков хищения, совершенного путем обмана о наличии оснований для начисления или увеличения заработной платы (денежного довольствия), указано: «обязательными объективными признаками хищения выступают противоправное **завладение имуществом (изъятие, обращение)** (выделено нами — С. Т.) в таком размере, в каком им распорядиться может либо сам виновный, либо лицо, в чью пользу это имущество по его воле отчуждено, а также ущерб, причиненный содеянным» [14].

Таким образом, на сегодняшний день можно с уверенностью констатировать, что научная дискуссия по поводу соотношения и совместимости терминов «изъятие» и «обращение» в законодательном определении хищения несколько затянулась, и в этом аспекте назрела необходимость поставить в полемике однозначную законотворческую точку путем определения объективного выражения любой из существующих форм хищения через нормативное закрепление термина «завладение».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Бойцов, А. И. Преступления против собственности.* — Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. — 773 с.
2. *Безверхов, А. Г. «Хищение чужого имущества» как правовая категория: современное состояние и тенденции развития//Юридический вестник СамГУ.* — 2015. — Т. 1. — № 3. — С. 94–105.

3. Кочои, С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества//*Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 6. — С. 108–117.
4. Лопашенко, Н.А. Посягательства на собственность: монография. — Москва: Норма; ИНФРА-М, 2012. — 528 с.
5. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография/Милюков С.Ф. — Санкт-Петербург: Знание, 2000. — 279 с.
6. Безверхов А.Г. Присвоение и растрата: генезис и метаморфоз норм // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право»*. 2008. № 1. С. 60–73.
7. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: Волтерс Клувер, 2004. — 880 с.
8. Третьякова, Н.С., Галян С.В. Лингвистическая характеристика понятия хищения в Уголовном кодексе Российской Федерации // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. — 2016. — № 4 (36). — С. 162–166.
9. Смирнова, С.Н. Безвозмездность как криминообразующий признак преступлений в сфере экономики: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.08. — Москва, 2014. — 160 с. — URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/bezvozmezhdnost-kak-kriminoobrazujujij-priznak-prestuplenij-v-sfere-jekonomiki.html> (дата обращения: 27.05.2023).
10. Елисеев, С.А. Преступления против собственности: курс лекций. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. — 194 с.
11. Голиков, А.В. Признаки хищения в Уголовном кодексе Российской Федерации // *Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: сб. материалов научн.-практ. конф. / отв. ред. Б.Т. Разгильдиев*. — Саратов, 2002.

12. Постановление Пленума ВС РФ № 48 от 30.11.2017 г. (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».
- Пильников, С. Г. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика отдельных видов хищений чужого имущества: закон, теория, практика: монография / С. Г. Пильников, А. А. Шутова, Е. В. Фоменко. — Москва: Проспект, 2021. — 96 с.
9. Письмо ФНС России от 21.02.2023 N БВ-4-7/2101 «О направлении Обзора правовых позиций, отраженных в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, принятых в четвертом квартале 2022 года по вопросам налогообложения» // СПС «КонсультантПлюс».

BRIEF

**ON THE IMPROVEMENT OF OBJECTIVE SIGNS
OF THE CATEGORY OF “EMBEZZLEMENT”
IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA**

Tolstykh S. M.,

2-year student,

*Sochi branch of All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Pilnikov S. G.,

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Abstract. *The article looks at one of the most popular categories of the doctrine of the criminal law, namely embezzlement. Its interpretation has long been disputed by specialists and aroused controversy.*

The necessity to reconsider the extremely imprecise juridical characterization of the objective signs of the embezzlement is discussed. The author comes to the conclusion that the most correct and structurally accurate solution is a regulatory change in the current wording of Note 1 to Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation by fixing the term “seizure” in the definition of embezzlement.

Key words: legal category; definition of embezzlement; legal construction; signs of embezzlement; other people’s property; seizure.

Понятие, признаки и виды преступного бездействия

Чепила А. Е.,

*2 курс магистратуры, юридический факультет,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: nastya_2601@bk.ru*

*Научный руководитель: **Ратьков А. Н.,***

*кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: sochiran@mail.ru*

УДК 343.72

***Аннотация.** В настоящей статье автор рассматривает подходы различных ученых-правоведов к понятию преступного бездействия и на основании анализа этих подходов формулирует собственное определение понятия «преступное бездействие». Также в статье представлено авторское видение признаков и видов преступного бездействия, выделяемых в юридической доктрине.*

***Ключевые слова:** преступное бездействие; бездеятельное поведение; преступное деяние; общественно опасное деяние; механизм нарушения.*

Преступное бездействие является одной из форм общественно опасного деяния, наряду с действием.

В действующем законодательстве дефиниция «преступное бездействие» не закреплена, что предопределяет необ-

ходимость обращения к доктрине уголовного права с целью формирования определения термина «преступное бездействие». Ведь, по справедливому замечанию В. Б. Малинина, «определение характера и степени общественной опасности каждого преступного посягательства требует не только установления того, какие последствия наступают в результате его совершения, но и выявления того, как эти вредные последствия образуются. Особого внимания в этом плане заслуживают деяния, совершаемые путем бездействия, преступную сущность которых можно проследить только через механизм нарушения общественных отношений. Иным образом передать смысл названных преступлений, отобразить их природу и раскрыть характер причинения ими вреда практически невозможно. Неслучайно они вызывают к себе такой острый интерес в доктрине уголовного права, оставаясь в то же время малоизученными наукой» [1, с. 14].

В специализированной литературе зачастую под бездействием принято понимать «невыполнение лицом возложенных на него служебных функций, непринятие мер, которые оно в соответствии с объемом прав и обязанностей должно было принимать» [2, с. 1057].

По мнению Е. В. Медведева, «в отличие от действий, непосредственно причиняющих материальный вред в той или иной сфере общественных отношений, посягательства в форме бездействия имеют несколько иную направленность», а именно при преступном бездействии виновный «не взаимодействует физически с материальными благами и ценностями и не изменяет то состояние, в котором они находятся изначально в процессе совершения преступления» [3, с. 49]. Также, по мнению правоведа, преступное бездействие имеет ряд характерных признаков, а именно:

— «поведение виновного и его внутреннего отношения к совершенному деянию (невыполненной или ненадлежащим образом выполненной обязанности, степень их невыполнения, со-

ответствие содеянного принципам необходимости и достаточности достижения должного результата);

— общий результат преступного бездействия (в том числе наступившего вреда);

— условия, препятствующие выполнению виновным своих обязанностей (физическое и психическое состояние виновного, наличие угрозы его жизни и здоровью, факторы непреодолимой силы, иные уважительные причины)» [2, с. 51].

Схожей позиции придерживался еще А. А. Тер-Акопов, который в своих изысканиях пришел к выводу о том, что бездействие напрямую не влечет «нанесения ущерба жизни или здоровью человека, бюджету государства и т. д., даже если виновный желает такого результата, поскольку он объективно не совершает каких-либо действий для этого и не принимает активного участия в развитии событий, детерминирующих его наступление» [4, с. 27].

Таким образом, можно заключить, что преступное бездействие как вид преступного деяния имеет пассивный характер, то есть мы можем согласиться с мнением А. А. Очеретько, который считает преступное бездействие одним из «видов пассивной преступности» [5, с. 118].

В теории уголовного права указывается на то, что преступное деяние имеет две стороны: социальную и физическую. При этом физическая сторона действия выражается в том, что субъект преступления совершает определенные (активные) телодвижения по отношению к объекту преступления. А социальная сторона действия — это тот социальный (общественный) вред, который способно причинить или причиняет общественно опасное действие.

Таким образом, в общественно опасном действии юридическое значение имеют и социальная, и физическая сторона действия.

Совсем другая ситуация складывается в отношении бездействия.

Физическая сторона здесь носит специфический характер. Виновное лицо может совершать определенные телодвижения, но эта активность не связана с воздействием на объект уголовно-правовой охраны. При этом применительно к действию виновное лицо, проявляя активность по отношению к объекту уголовно-правовой охраны, тем самым нарушает уголовно-правовой запрет на совершение действия. А при бездействии, наоборот, нарушение уголовно-правового запрета заключается в том, что виновное лицо не совершает тех действий, которые обязано было совершить в силу закона. Именно на это, как указано выше, обращают внимание А. А. Тер-Акопов и Е. В. Медведев.

Л. В. Янова акцентирует внимание на субъекте, который должен нести ответственность за бездействие: «состояние правового бездействия проявляется только тогда, когда человек наделяется четко сформулированными правами и обязанностями, т. е. бездействие уже будет рассматриваться — использовал ли субъект свои права или нет, выполнена ли обязанность или нет. В данной ситуации бездействие будет выражено в несовершении общественно значимых действий, предусмотренных нормативно-правовыми актами, например, попустительство, неявка в суд, неисполнение условий договора и т. д.» [6, с. 47].

Следовательно, уголовная ответственность за бездействие возникает в случае, когда на лицо возложены определенные обязанности совершить общественно-полезные действия. Основу этой обязанности составляют определенные юридические факты и состояния, а именно:

— Конституция РФ, законодательные или иные нормативно-правовые акты (постановления Правительства РФ, инструкции и т. д.);

— приговор суда или решение суда, вступившие в законную силу;

— родственные или другие взаимоотношения, основанные на нормах гражданского, семейного, социального законодательства (родительские, опекунские, попечительские, патронажные и т. д.);

— гражданско-правовой и трудовой договор (контракт), предусматривающие, к примеру, служебные, профессиональные обязанности.

Если говорить о социальной стороне бездействия, то она выражается в том, что в результате бездействия причиняется или создается угроза причинения существенного вреда социально значимым общественным отношениям.

В отношении видов преступного бездействия юридическая доктрина не выработала единого подхода. На сегодняшний день существует несколько оснований для их классификации.

Так, еще А. В. Наумов предложил следующую классификацию преступного бездействия: «бездействие-причинение; бездействие, не являющееся причинением, а проявляющееся обычно в оставлении другого лица в опасности или в неоказании необходимой для его спасения помощи; нарушение специфических обязанностей, возложенных на определенных граждан» [7, с. 140].

Ю. В. Истомина, в свою очередь, предлагает выделять следующие критерии классификации бездействия (в отношении государственных служащих):

— «по способу совершения (халатность, попустительство, злоупотребление, покровительство, воспрепятствование, уклонение, сокрытие и др.);

— в зависимости от волевого источника возникновения (вынужденное и совершенное по собственному усмотрению);

— по объему (полное и частичное)» [8, с. 184].

Однако самой распространенной является классификация бездействия на «чистое» и «смешанное».

К «чистому» бездействию в уголовно-правовой литературе предлагается относить бездействие, которое «заключается в том,

что субъект вообще не выполняет возложенную на него обязанность», а к «смешанному» — бездействие, при котором «обязанности выполняются, но лишь частично, не в полной мере и не должным образом» [9, с. 93].

Предложенную трактовку «чистого» и «смешанного» бездействия, однако, не разделяет А. К. Романов, который определяет «чистое» бездействие «как упущение (*delictum omissionis*). Упущение исчерпывается самим фактом бездействия виновного лица. Оно выражается в невыполнении возложенных на лицо обязанностей. Таким образом, при «чистом» бездействии уголовная ответственность связывается вовсе не с объемом исполнения обязанностей, а с упущениями обязанного лица в отсутствие непосредственной причинно-следственной связи его бездействия с преступными последствиями» [10, с. 38].

«Смешанное» бездействие (*delictum comissionis per omissionem*) указанный автор рассматривает как «бездействие, которым виновное лицо не просто допускает наступление преступных последствий или не препятствует их наступлению, но непосредственно их причиняет (создает). Вследствие этого преступление, совершенное при «смешанном» бездействии, в соответствии с требованиями закона, получает иную квалификационную оценку, чем преступление, совершенное при «чистом» бездействии» [10, с. 39].

По нашему мнению, верной является именно вторая точка зрения, поскольку нельзя говорить о бездействии, когда лицо совершает какие-либо действия, даже не в полном объеме.

Так, примером «чистого» бездействия является ст. 124 УК РФ, предусматривающая ответственность за неоказание помощи больному. В диспозиции данной нормы говорится о последствиях в виде средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, а также смерти пациента в результате невыполнения лицом своих профессиональных обязанностей [11].

Соответственно, последствия в данном случае непосредственно вытекают из заболевания, осложнений здоровья у пациента, а не из-за бездействий врача (бездействия врача только ускоряют наступление последствий).

«Смешанное» бездействие имеет место при халатности, когда неисполнение должностным лицом своих обязанностей приводит к последствиям в виде крупного ущерба или существенному нарушению прав и законных интересов граждан, организаций и государства.

Подводя итог, обратим внимание на то, что автором было сформулировано собственное определение понятия «преступное бездействие», а именно: преступное бездействие есть невыполнение лицом возложенных на него прав и обязанностей как должностного лица и/или гражданина, которое косвенно влечет нанесение ущерба жизни или здоровью человека, бюджету государства и т. д., и имеет общественную опасность, даже если виновный не желает такого результата.

Также автор пришел к выводу о том, что бездействие является одной из «сложных» уголовно-правовых категорий. В частности, множество споров возникает относительно классификации бездействия на виды. Нет единства мнений относительно понимания «чистого» и «смешанного» бездействия. Все эти положения обуславливают необходимость законодательного закрепления дефиниции «преступное бездействие».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Малинин, В. Б. Причинная связь в уголовном праве / В. Б. Малинин. — Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2019. — 316 с.*
2. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. А. Чекалин; под ред. В. Т. Томина, В. В. Свечкова. — [7-е изд. перераб. и доп.]. — Москва, 2019. — 1301 с.*

3. Медведев, Е. В. Механизм проявления общественной опасности преступлений, совершаемых в форме бездействия / Е. В. Медведев // *Российский следователь*. — 2021. — № 11. — С. 49–52.
4. Тер-Акопов, А. А. Бездействие как форма преступного поведения / А. А. Тер-Акопов. — Москва: Юридическая литература, 1980. — 151 с.
5. Очеретько, Е. А. Бездействие как форма преступного поведения в семейных правоотношениях / Е. А. Очеретько // *Моя профессиональная карьера*. — 2019. — Т. 4. — № 7. — С. 118–126.
6. Янова, Л. В. Правовая оценка и анализ бездействия / Л. В. Янова // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. — 2021. — № 5. — С. 46–48.
7. Наумов, Л. В. Основные концепции современного уголовного права / Л. В. Наумов. — Москва: Юрист, 1998. — 349 с.
8. Истомина, Ю. В. Бездействие государственных служащих: административно-правовое содержание и способы преодоления противоправности / Ю. В. Истомина // *Вестник Воронежского государственного университета*. — 2021. — № 1. — С. 183–185.
9. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. Ю. Малаховой. — Москва: Эксмо, 2021. — 749 с.
10. Романов, А. К. Квалификация преступлений, совершаемых бездействием / А. К. Романов // *Законность*. — 2019. — № 5 (979). — С. 38–41.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // *Собрание законодательства РФ*. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

BRIEF

**THE CONCEPT, SIGNS AND TYPES
OF CRIMINAL INACTION**

Chepila A. E.,

*2nd year Master's degree at the Faculty of Law,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: *Ratkov A. N.*

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Abstract. *In this article, the author examines the approaches of various legal scholars to the concept of criminal inaction and, based on the analysis of these approaches, forms his own definition of the concept of «criminal inaction». Also in the article, the author cites the signs and types of criminal inaction identified in the legal doctrine.*

Key words: *criminal inaction; inactive behavior; criminal act; socially dangerous act; violation mechanism.*

Актуальные проблемы
правоприменения
в российском законодательстве

Белавкина П. А.,
студентка 3 курса магистратуры,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

Научный руководитель: **Ратьков А. Н.,**
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия,
e-mail: sochiran@mail.ru

УДК 34(082)

Аннотация. Учитывая роль права как регулятора всех сфер общественной жизни, проблема существования законодательного пробела становится актуальной. Поскольку право, как и само общество, развивается и расширяет границы и предмет своего регулирования, существование законодательных пробелов является естественным явлением, присущим любой правовой системе, поскольку нормы, закрепленные в позитивном праве, не могут в полной мере охватывать вновь проявляющиеся общественные отношения.

Ключевые слова: законодательный пробел; правовой пробел; закон; правовой вакуум.

Актуальность предлагаемой темы исследования заключается в том, что правоприменение предполагает воплощение в жизнь требований различных правовых норм в целях обеспечения порядка и законности, а, следовательно, обеспечение стабильности государства, безопасности граждан, их уверенности в завтрашнем дне. Однако в таком контексте мы имеем дело лишь с идеально-типической системой, присущей основному научному знанию. Главная проблема заключается в том, что процесс применения правовых норм в повседневной жизни очень сложен, изменчив, связан с действием разнонаправленных факторов и влиянием общественно-исторической ситуации. Именно поэтому правоприменение в современных российских условиях, а также отношение самих граждан к этому процессу представляет собой очевидный научный интерес.

Пробел в праве — проблема, корни которой уходят в глубокую древность. Обращаясь к трудам древних мыслителей, мы находим следующее утверждение: *«закон не может полностью объять превосходнейшее и справедливейшее, чтобы предписать всем наилучшее»*. Это говорит о том, что с несовершенством и неточностью закона человек сталкивался во все времена. Это отмечали в своих трудах такие выдающиеся древнегреческие мыслители, как Платон (427–347 до н.э.) и Аристотель (384–322 до н.э.). Последний пытался всесторонне исследовать проблему, связанную с несовершенством законов. В частности, он высказал мнение, что причина пробелов кроется не в самом законе, а в характере объекта, на который он распространяется. По мнению ученого, избежать пробелов в законе достаточно сложно, поэтому проблема может быть решена с помощью естественного права, под которым он понимал систему непреложных законов природы. Именно они могут оказать содействие судьям в решении вопросов, не охватываемых законом.

Говоря о сущности пробелов, обратимся к семантике этого термина. Слово «пробел» может иметь два смысловых значения: в прямом смысле оно означает пустое место или какое-то упущение, в переносном — недостаток, несовершенство. Отсюда следует, что пробелом можно назвать заведомо пустое пространство или несовершенство самого объекта, подлежащее исправлению.

В теории права понятие «пробел» чаще употребляется в переносном смысле — как одно из несовершенств. Однако не все юристы с этим согласны, часть правоведов считает допустимым трактовать «пробел» в прямом смысле слова, и тогда его можно назвать умышленным. Примерами могут служить ситуации, когда законодатель намеренно оставляет вопрос открытым. Цель — решить проблему, исходя из того, как складываются отношения в обществе, или на усмотрение судьи. Но эта позиция подвергается обоснованной критике, так как в понятие «умышленный пробел» входят и способы его заполнения, а это уже означает смешение различных терминов, которые традиционно принято разделять.

Есть юристы, которые намеренными пробелами называют квалифицированное молчание законодателя, имея в виду, что он умышленно не принимает нормы права, выводя решение дела за пределы законодательного регулирования. Однако в последнее время в этом смысле активизировался поиск и разработка новой парадигмы: ученые пытаются связать юриспруденцию и право с другими науками, в частности с герменевтикой, философией постмодерна, синергетикой и даже математикой.

Остановимся на герменевтическом подходе к пониманию права. Российский правовед А. И. Овчинников в работе «Правовое мышление в герменевтической парадигме» описывает его *«как <...> новый тип правопонимания, в контексте которого природа права, его корни располагаются в коммуникативных глубинах человеческого духа»*. Она направлена на преодоление узости различных подходов к решению правовых задач и позволяет

сочетать частное с общим, на что и должно ориентироваться настоящее правосознание [5, с. 205].

Заслуга немецкого философа Г.Г. Гадамера в том, что юридическая герменевтика изначально считает право не идеальным не потому, что оно таково, а потому, что оно априори не может функционировать абсолютно органично в реалиях человеческого мира, поэтому он не совершенен, и на основании этого часто возникают ситуации, когда применение закона невозможно. При герменевтическом объяснении правовых норм и восполнении правовых пробелов необходимо учитывать, что жизнь состоит из различных знаков, которые наше сознание интерпретирует в действительности, исходя из личных убеждений.

Согласно герменевтической науке, символ — это «всякая структура значения, где один смысл — прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл — косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый».

Правовая норма или ее отсутствие — это символ, смысловую нагрузку которого следует установить. В любом смысловом значении, кроме буквального, часто присутствует контекстуальное, опуская которое зачастую правильно понять весь принцип правовой нормы или уяснить корень ее отсутствия достаточно сложно. Поэтому для правильного применения закона в процессе его толкования, применения аналогии закона или права необходимо найти глубинный смысл правовой нормы.

С герменевтической точки зрения толкование правовой нормы и исследование пробела в праве являются способом решения проблемы двоякого смысла правовой нормы. Ведь герменевтика позволяет непосредственно раскрыть смысл правового контекста. Одной из проблем, на которую необходимо обратить внимание, является несоответствие между исторической и юридической герменевтикой [7, с. 154].

В качестве примера проанализируем взгляд историка права и судьбы на действующий законодательный акт. Судья толкует закон, основываясь только на конкретном правонарушении. Историк права, напротив, иначе смотрит на право и при его рассмотрении учитывает абсолютно все исторические события. Отсюда вывод: при применении права необходимо руководствоваться историческим пониманием законодательного акта, учитывать его первоначальный смысл, но в то же время учитывать современные условия правового регулирования. Исходя из того, что юридическое значение права не всегда ясно, юридическая догматика и юридическая герменевтика находятся в непосредственной связи, причем юридическая герменевтика доминирует.

Кроме того, в научном сообществе идет дискуссия о пробелах в законе и праве, хотя с учетом вышеизложенного правильнее было бы говорить о пробелах в законодательстве. В частности, профессор В. В. Лазарев считает, что законодательство следует определять как систему нормативных указаний, издаваемых компетентными правотворческими органами. По его мнению, законодательство есть закон, так как все другие источники права не имеют такой же юридической силы, как закон.

Он выделяет два случая, когда можно указывать на пробел в законе:

1. Пробел в законодательном акте, даже если он восполнен подзаконным актом.

2. Пробел именно в данном нормативном акте, даже если он восполнен иным нормативным актом (полное отсутствие нормативного акта, т. е. отсутствие закрепления правом определенных отношений даже в общей форме, означает уже наличие пробела в праве) [3, с. 72].

Немецкий философ Г. Гегель считал, что первичное предназначение права — это независимость и упорство, а непосредственно само право — это беспрепятственность, идеология, ко-

торая выступает в роли регулятора социальных отношений в области правовых норм: «*обязательно как право лишь то, что есть закон*» [4, с. 25].

По мнению В. В. Лазарева, при рассмотрении права и закона стоит учитывать тот факт, что закон — это один из видов выражения права, и верным вариантом будет исследовать уязвимость законодательных и нормативных актов. Анализируя право, стоит учитывать информацию из доверенных источников, и вести диалог об уязвимостях позитивного права. Разграничивая данные понятия, пробелы можно представить следующим образом:

1. Пробел в позитивном праве — когда отсутствует и закон, и подзаконный акт, и обычай, и прецедент.

2. Пробел в нормативно-правовом регулировании — когда отсутствуют и нормы закона, и нормы подзаконных актов.

3. Пробел в законодательстве — когда в принципе отсутствует закон как акт высшего органа власти.

4. Пробел в законе — когда вопрос неполно урегулирован в данном конкретном законе. Помимо рассмотренных выше позиций, в теории права выделяют также два аспекта понимания пробелов [6, с. 6].

Профессор С. С. Алексеев призвал исследовать уязвимости с точки зрения общесоциальной значимости, когда есть основания полагать, что конкретные социальные связи находятся вне правового регулирования, и имеют место правовые пробелы. Это уязвимости, возникающие исключительно в сфере права и только в отношении аргументов, находящихся в сфере правового регулирования [3, с. 69].

Аналогичной позиции придерживается и профессор П. Е. Недбайло, полагая, что пробелом в праве является пробел в содержании права по отношению к фактическим общественным отношениям, находящимся в поле правового регулирования.

Также пробел в праве и пробел в законе можно рассматривать как форму и содержание, когда пробел в праве является более широким понятием, чем пробел в законе. Однако пробел в законе не всегда означает пробел в праве.

Пример — отсутствие законодательного определения вины в уголовном праве. Статьи 25, 26 УК РФ [1], определяя вину через ее формы и их признаки, не препятствуют правоприменению. В то же время понятие «пробелы в праве» не тождественно понятию «ошибки в праве», хотя в какой-то степени они могут совпадать. Теоретически под правовой ошибкой понимается неправильная оценка объективно существующих общественных отношений. Он заключается в принятии неверного законодательного решения, отраженного в нормативном правовом акте.

Правовая ошибка может иметь место, когда законодатель издает норму, в которой нет необходимости, или ошибочно полагает, что некоторые ситуации не подлежат правовому регулированию, а также, когда он передает правоприменительному органу компетенцию по решению вопроса, которым последний не должен заниматься. Таким образом, ошибка в праве может привести к лазейкам в законодательстве.

Помимо выделенных выше проблем пробелов в праве, в научной литературе можно встретить центристскую (умеренную) точку зрения — она относится к категории «правового вакуума». Известный правовед Д. Н. Рябова дала такое определение правовому вакууму: это отсутствие правовых норм, необходимых для рационализации не урегулированных ранее правоотношений, и несмотря на необходимость, вызванную вновь возникающими общественными отношениями [5, с. 207].

На основании вышеизложенного делаем вывод, что упущения в правовых актах — это абсолютное или фрагментарное отсутствие правовых норм, которое привело к процессу развития общественных отношений и необходимости быстрого решения

вопроса. Отсюда следует, что сотруднику правоохранительных органов достаточно сложно отличить повторно сложившиеся социальные взаимоотношения от тех, которые возникли ранее.

Одним из сторонников сдержанных характеристик уязвимости в праве считается С. С. Алексеев, выделявший в правовых актах «неполные пробелы» — происшествия, подлежащие правовому регулированию, но не предусмотренные конкретной правовой нормой. Сложно говорить о том, что конкретно понимал С. С. Алексеев под «полным пробелом», однако исходя из его дальнейших размышлений о «последующих» уязвимостях допустимо предположить, что в комплекс уязвимостей включены и те, которые образуются в результате продолжительных видоизменений в области социальных взаимоотношений [3, с. 62].

Попробуем ответить на следующий вопрос: стоит ли выделять правовой вакуум, целесообразно ли это?

Возможно, он входит в понятие «пробел» в праве или законодательных актах? На самом деле, и пробел в праве, и правовой вакуум являются следствием того, что право в своем развитии отстает от общественной жизни. Основное их отличие состоит в том, что пробел можно восполнить с помощью аналогии права, тогда как для правового вакуума потребуются правотворчество.

В. В. Лазарев пишет, что пробел в законодательных актах — это абсолютный или же фрагментарный дефицит норм, необходимость которых обусловлена эволюцией социальных взаимоотношений, политикой, содержанием действующего в данный момент законодательства, а также различными причинами государственных действий.

Исходя из вышеизложенного к термину «пробел» относят те случаи, когда законодатель берет на себя регламентацию конкретных отношений, но не полностью, оставляя за собой небольшой пропуск при их урегулировании. Однако это не означает, что «пробелы» позволяют считать законодательство

неполным. В. И. Акимов указывает, что в силу узкого толкования этого термина большинство правовых явлений просто невозможно объяснить пробелами. По мнению автора, пробел заключается в неурегулированности с помощью отдельных положений права взаимоотношений, закрепленных в общепринятых нормах. Нет пояснений, какая именно общепринятая норма является действительной, так как ее трудно представить без целостного смысла и пояснений законодательства. Автор отмечает, что правовые принципы не являются критерием для указания на пробелы. Пробелом также можно считать ситуацию, когда нет конкретного указания на то, что общественные отношения нуждаются в правовом регулировании, но оно по разным причинам отсутствует. Таким образом, пробелом в общем случае можно считать:

1. Дефицит конкретной правовой нормы для регламентирования определенного, подлежащего правовому регулированию происшествия.

2. Дефицит конкретного, необходимого для разрешения неоднозначных правоотношений комплекса норм.

3. Потребность в правовом регулировании определенных социальных взаимоотношений исходя из интересов государства в регламентации конкретных отношений. Например, в законодательстве, действующем в государственной (а точнее в ее подвиде — правоохранительной) службе, отсутствует норма права, закрепляющая порядок реализации процедуры задержания гражданина, установления его личности и т. д. (п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») [2]. В частности, в данной норме нет ссылки на процессуальное законодательство, а именно на Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, что порождает нарушение прав и свобод граждан.

Подводя итог, можно сказать, что пробел в правовых нормах, в частности в законодательстве о государственной

службе, представляет собой состояние правовой неопределенности, которая возникает в результате абсолютной или фрагментарной неправомерности законодательства о государственных органах, регулирующих различные общественные отношения, непосредственно связанные с их производительной деятельностью. Немаловажное значение имеет и отсутствие стандартов, необходимых для разрешения некоторых инцидентов. Речь здесь идет о действующих нормативных правовых актах, в частности в определенной законодательной сфере. Последовательно разделяя понятия «право» и «закон», надо признать, что пробел в праве проявляется прежде всего как пробел в законе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022).
2. Федеральный закон «О полиции РФ» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (с изм. и доп., вступ. В силу с 01.03.2021).
3. Лазарев, В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. — [репр. изд.]. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. — С. 183.
4. Худойкина, Т. В. Правоведение: учебник / Худойкина, Т. В., Гинзбург И. В., Купцова О. В. [и др.]. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. — С. 448.
5. Крашенинников, П. Времена и право / Крашенинников, П. — Москва: Статут, 2016. — С. 256.
6. Лазарев, В. В. Избранные труды. — Т. II. Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. — Москва, 2010. — С. 415.
7. Малякова, А. А. Отдельные проблемы юридической герменевтики / А. А. Малякова, А. Х. Маликова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* — 2020. — № 10. — С. 3.

BRIEF

THEORETICAL ASPECTS OF LEGAL GAPS

Belavkina P. A.,

*3rd year Master's degree at the Faculty of Law,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

*Academic Supervisor: **Ratkov A. N.,***

*Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Abstract. *Considering the role of law as a regulator of all public life spheres, the problem of the legislative gap existence is becoming essential. Since the law, like society itself, develops and expands the boundaries and subject of its regulation, the existence of legislative gaps is a natural phenomenon inherent in any legal system since the norms enshrined in positive law cannot fully cover newly manifesting social relations. In this article, the author studied the theoretical foundations of legislative gaps and correlated them with such a phenomenon as a law.*

Key words: *legislative gap; law gap; law; legal vacuum.*

Дознание в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ

Коростова М. Д.,

студентка 2 курса магистратуры,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

Научный руководитель: **Ратьков А. Н.,**

кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия,
e-mail: sochiran@mail.ru

УДК 343.13

Аннотация. Дознаватель является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное расследование по уголовному делу в форме дознания. В данной статье рассматриваются полномочия дознавателя, закрепленные в российском уголовном процессе и законодательстве некоторых зарубежных стран, таких как Англия, Франция, Иран и Саудовская Аравия. Анализируются сходства и отличия в порядке проведения предварительного расследования в форме дознания.

Ключевые слова: дознаватель; досудебное производство; предварительное расследование; уголовный процесс; англосаксонская правовая семья; романо-германская правовая семья; мусульманское право.

В реализации правоохранительной функции государства значимая роль принадлежит правоохранительным органам, чья юрисдикция чрезвычайно широка. Одним из существенных направлений деятельности правоохранительных органов в рамках обеспечения режима законности и правопорядка является проведение предварительного расследования, которое, по мнению В.А. Михайлова, «дифференцируется на уголовно-процессуальные институты предварительного следствия, дознания и производства неотложных следственных действий» [5, с. 77].

В соответствии с п. 8 ст. 5 УПК РФ дознание представляет собой форму предварительного расследования, осуществляемую дознавателем (следователем) в рамках производства по уголовному делу, по которому проведение предварительного следствия не является обязательным. Преступления, дела по которым могут расследоваться в форме дознания, закреплены в ч. 3 ст. 150 УПК РФ.

Дознание осуществляется, как правило, органами дознания. В то же время дознание может осуществляться и следователем в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 151 УПК РФ. Процессуальное руководство дознанием, производимым органами дознания (дознавателями), напрямую осуществляется не только должностными лицами органов дознания (начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, их заместителями), но и (в отличие от предварительного следствия) надзирающим за ними прокурором.

В соответствии с п. 3 ст. 223 УПК РФ срок дознания составляет 30 суток со дня возбуждения уголовного дела, а при необходимости и с согласия прокурора может быть продлен еще на 30 суток. В исключительных случаях, при необходимости проведения экспертизы, срок дознания может быть продлен прокурором на срок до 6 месяцев, а при необходимости получения дополнительной правовой помощи срок дознания продлевается прокурором субъекта Российской Федерации и приравненным к нему военным прокурором на срок до 12 месяцев. По этой при-

чине в случае, если для дознавателя не представляется возможным завершить расследование в установленный законом срок, уголовное дело подлежит передаче для дальнейшего производства следователю.

В марте 2013 года вступил в силу Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в соответствии с которым в УПК РФ была введена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Результатом введения данной главы стало появление в Российской Федерации ранее не известного вида дознания, именуемого сокращенным дознанием. Срок проведения дознания в сокращенной форме составляет 15 суток с возможностью продления до 20 суток (ст. 226.6 УПК РФ).

Сокращенная форма предусматривает, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, дознаватель освобожден от необходимости устанавливать весь перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, закрепленный в ст. 73 УПК РФ. Однако, на наш взгляд, принять обоснованное решение по результатам такого дознания невозможно, поскольку не установлены другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Например, данные, характеризующие личность лица, подозреваемого в совершении преступления. Ведь, если лицо является несовершеннолетним или есть основания для применения особого порядка уголовного судопроизводства, производство дознания в сокращенной форме невозможно.

В этой связи интересным представляется изучение дознания как формы предварительного расследования в зарубежных странах, позволяющее провести сравнительный анализ с российским уголовным процессом.

Например, уголовно-процессуальное право в англосаксонской правовой семье состоит в основном из общего права и права справедливости. Общее право в Англии было создано Вестминстерскими судьями, а право справедливости возникло из решений Канцлерского суда, исправивших недостатки общего права. На досудебных стадиях функция обвинения осуществляется путем расследования.

В английской уголовно-процессуальной системе до 1985 года не было службы государственного обвинения, и обвинителями выступали адвокаты, представляющие интересы правительства, которые существуют и сегодня. Государственное обвинение в совершении тяжких преступлений осуществляется через своих помощников директором публичных преследований, который назначается генеральным атторнеем (*attorney general*)¹ из числа барристеров (*barrister*)² или солиситоров (*solicitor*)³. Кроме указанных субъектов, предварительное расследование по большинству дел производят полиция и некоторые другие должностные лица (генеральный атторней или директор управления по борьбе с тяжкими мошенничествами).

Полицейская (внесудебная) стадия расследования является первой стадией уголовного процесса, которая в целом состоит из четырех этапов: пресечение совершения преступления, досудебное расследование, арест, регистрация арестованного и послеарестовое полицейское расследование. Полицейское расследование в англосаксонской системе совпадает с предварительным следствием по российскому уголовному праву.

¹ Генеральный атторней (*attorney general*) — министр юстиции/генеральный прокурор.

² Барристеры (*barrister*) — адвокаты более высокого ранга, которые ведут судебные дела.

³ Солиситоры (*solicitor*) — адвокаты, ведущие подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами.

В Англии во всех случаях различается уголовно-процессуальная форма в зависимости от категории преступления. Таким образом, производства по фелониям (тяжким уголовным преступлениям) более сложны, чем по мисдиминарам (уголовно наказуемым проступкам). Однако англосаксонская система не предусматривает деления производства по уголовным делам на дознание и предварительное следствие. Предполагается, что всеми преступлениями занимается полиция, функции которой заключаются в отыскании, обнаружении носителей доказательственной информации, которые будут впоследствии представлены в суд [4, с. 20]. При этом функции привлечения лица в качестве обвиняемого сосредоточены в полномочиях другого лица — обвинителя (*attorney*), которым может выступать даже частное лицо или частный адвокат. *Attorney* направляет обвинительный акт (проект постановления о предъявлении обвинения и привлечении в качестве обвиняемого) в суд для утверждения ареста магистратом, который исследует его законность и обоснованность без участия задержанного. Если арест и обвинения обоснованы, арестованный должен немедленно лично предстать перед судом для предъявления обвинения, что называется «процедура первоначальной явки» и состоит в следующем. Суд устанавливает личность обвиняемого, сообщает ему существо обвинения и разъясняет его права, утверждает обвинительный акт и избирает меру пресечения. В российском уголовном процессе субъекты, осуществляющие предварительное расследование, частично самостоятельны и могут избирать некоторые меры пресечения без участия суда (например, подписку о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство).

Несомненно, российский уголовно-процессуальный и английский законы существенно различаются, поскольку в англосаксонской системе в судопроизводстве преобладает прецедентное право. Однако есть ряд схожих черт, хотя и не столь

очевидных. Например, полицейское расследование в Англии фактически выполняет функции дознания в России, особенно по уголовным правонарушениям (мисдиминарам). Полицейский Англии ближе всего по своим полномочиям подходит к сотруднику российских оперативных служб, которого часто именуют сыщиком, и не может быть отнесен к официальному лицу, которое условно можно было бы сравнивать с российским следователем. При расследовании преступлений английский полицейский вправе принимать самостоятельные процессуальные решения, но руководствоваться при этом он должен, главным образом, сводом практических рекомендаций, то есть ведомственными приказами.

Больше общего можно увидеть во французском и российском досудебном производстве. Досудебное производство во Франции состоит из трех стадий: расследования, возбуждения уголовного дела и досудебного следствия, а привлечение к суду входит в стадию досудебного следствия.

Первым этапом уголовного производства во Франции является полицейское расследование [3, с. 122]. Оно проводится под руководством прокуратуры комиссарами полиции, офицерами и агентами судебной полиции, мэрами и их помощниками. В ряде случаев расследование ведут полевые охранники, лесники и некоторые другие должностные лица.

Во Франции выделяются следующие общие виды дознания: дознание очевидных преступлений (проступков) и первоначальное дознание. Содержанием любого вида полицейского дознания является поиск улик, закрепление доказательств и принятие мер по выявлению и розыску виновных в правонарушениях лиц. Однако процессуальное значение действий полиции различается в зависимости от вида дознания. Уголовно-процессуальный кодекс Франции подробно регулирует порядок получения доказательств преступления при производстве дознания первого вида.

Они аналогичны основаниям задержания лица по подозрению в совершении преступления в современном российском уголовном судопроизводстве, так как исторически послужили их прообразом. Закон не устанавливает сроков такого рода дознания, обычно они составляют несколько часов или дней. При расследовании явных преступлений полиция вправе производить все следственные действия, каждое из которых оформляется протоколом, имеющим доказательственное значение.

В теории уголовного процесса французское дознание — общее дознание (*inquisitio generalis*), направленное на установление хода событий и виновного лица. Последующее расследование призвано выполнить задачу специального расследования (*inquisitio specialis*): выяснить вину конкретного лица в установленном преступлении.

При дознании по очевидным преступлениям лицо, проводящее последующую проверку, обладает максимально широким кругом полномочий, сравнимым с тем, что предоставляется лицу, осуществляющему расследование по возбужденному уголовному делу. При отсутствии очевидности признаков преступления полномочия лиц, проводящих дознание в таком случае, ограничены. Обыски, изъятия и выемки допустимы только с согласия заинтересованного лица (за исключением случаев производства дознания по отдельным категориям преступлений, таких как терроризм, экстремизм и т. д.). Также не допускается применение каких-либо мер пресечения и процессуального принуждения, за исключением задержания на срок не более 48 часов.

Дознание сомнительной смерти является специализированной формой дознания, осуществляемого в случае обнаружения трупа лица, причины смерти которого вызывают сомнения.

Последней формой дознания является проверка личности. Данную форму дознания следует отличать от обычной провер-

ки личности полицией. В отличие от штатной проверки в данном случае допускается применение мер процессуального принуждения.

По результатам расследования в форме дознания прокурор возбуждает уголовный иск о применении наказаний в отношении подозреваемых (в отношении конкретных лиц) или о совершении преступления. Уголовный иск в форме особого ходатайства (уголовное дело) направляется прокурором судебному следователю для предварительного следствия.

Проверочные мероприятия, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Франции, осуществляются только по преступлениям средней тяжести и выше (деликтам и преступлениям). При этом факт проведения проверки зависит от решения прокурора, который оценивает её целесообразность. Составление каких-либо процессуальных актов при принятии прокурором решения о возбуждении уголовного дела не предполагается.

Во французской уголовно-процессуальной системе имеется такое же разделение на дознание и предварительное следствие. Отличие от российского предварительного расследования лишь в том, что решение о возбуждении уголовного дела (уголовного иска) принимает прокурор. С учетом изложенного можно говорить, что в Российской Федерации дознаватель и следователь имеют больше самостоятельности на начальных стадиях уголовного процесса.

Не менее интересным представляется досудебное производство в мусульманских странах. Особенность исламского уголовного процесса заключается в том, что духовную основу исламского уголовного процесса составляют Коран и Сунна. Именно они содержат и/или формулируют более общие религиозно-правовые положения, определяющие ценностное содержание исламского уголовного процесса.

В большинстве мусульманских стран исламское уголовное правосудие осуществляется только кади¹ в силу религиозного долга. То есть, предварительное следствие подразумевает судебную деятельность, когда судья ведет следствие самостоятельно. Конечно, данная деятельность не исключает полицейское дознание, проводимое шуртой² или мухтасибом³, которые в ряде случаев собирают и проверяют доказательства, необходимые для суда, но их выводы о виновности или невиновности лица не имеют значения до тех пор, пока суд не примет окончательное решение.

В качестве примера можно привести Исламскую республику Иран. В стадиях иранского уголовного процесса имеется схожесть с российским уголовным процессом: отделены стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, предание суду, судебное разбирательство, производство в суде апелляционной инстанции, производство по изменению судебных решений и исполнение приговора (судебная часть). Интерес для нас представляет стадия предварительного расследования. В соответствии с действующим УПК Ирана прокуратура является системой государственных учреждений (органов судебной власти), несущих ответственность за раскрытие преступлений, уголовное преследование обвиняемых, расследование преступлений и защиту общественных прав, а также исполнение наказаний [1]. Каждое учреждение прокуратуры действует в составе прокурора (главы учреждения), его заместителей, помощников прокурора, следователей и сотрудников аппарата.

Прокурор рассматривается в качестве органа обвинения и органа предварительного расследования, который обязан лич-

¹ Судья, получивший религиозно-правовое образование и наделенный правом принятия решений в силу религиозного долга путем толкования Корана и Сунны.

² Полиция общественной безопасности.

³ Религиозная полиция.

но провести необходимое расследование по уголовному делу, принять соответствующие меры для собирания доказательств совершенного преступления. Однако это не препятствует ему делегировать часть своих полномочий уполномоченным должностным лицам других учреждений, находящихся в сфере ответственности Министерства юстиции. Эти должностные лица перечислены в ст. 29 УПК Ирана 2014 года и делятся на общих и специальных сотрудников судебных органов (уполномоченных судебных должностных лиц). К общим сотрудникам относятся полицейские служащие различного ранга и некоторые иные должностные лица Министерства юстиции. К специальным — сотрудники других ведомств, действующих как уполномоченные должностные лица Министерства юстиции (например, сотрудники тюремных заведений, Министерства разведки, Корпуса стражей исламской революции и других военных или полувоенных формирований).

Сотрудников судебных органов можно сопоставить с органами дознания в РФ, так как в их полномочия входит исполнение постановления прокурора и расследование дела оперативно и в сроки, определяемые судом. В Иране сотрудники судебных органов подчиняются прокурору, который, как упоминалось ранее, ведет собственное расследование. В РФ дознаватели подчинены начальнику органа дознания, прокурору, однако имеют больше самостоятельности, чем сотрудники судебных органов, поскольку могут привлекать лиц к уголовной ответственности, проводить расследование в полном объеме, а не только с разрешения и одобрения прокурора.

Особенностью иранской системы уголовного правосудия является то, что в ряде случаев в расследовании участвует только суд. Речь идет о привлечении к ответственности за преступления против нравственности, против несовершеннолетних, а также за преступления, совершенные детьми в возрасте до 15 лет.

В отличие от Ирана, который частично разделяет характеристики мусульманского уголовного процесса, в Королевстве Саудовская Аравия уголовный процесс представляет собой более сложную западную модель уголовного правосудия. Основным источником уголовно-процессуального права в Саудовской Аравии является Уголовно-процессуальный закон от 16.10.2001 г., действующий на основании и в соответствии с Кораном и Сунной, шариатом и Основным низамом о власти от 01.03.1992 г. [2].

Стадии уголовного процесса Саудовской Аравии схожи со стадиями Российской Федерации: присутствует такое же деление на возбуждение уголовного дела и предварительное расследование (досудебная часть), предание суду, судебное разбирательство, производство в суде апелляционной инстанции, производство по пересмотру судебных решений и исполнение приговора (судебная часть). Однако, имеются незначительные отличия в стадии предварительного расследования. Возглавляет предварительное расследование департамент Бюро уголовных расследований и преследований Королевства. Расследованием преступлений занимается исключительно следователь. В ряде случаев следователь может поручить любому офицеру уголовного расследования проведение следственных действий, за исключением допроса обвиняемого. При этом в досудебном производстве, как и в целом в уголовном процессе отсутствует власть прокуратуры как самостоятельного органа обвинения, а также судебное расследование преступлений и судебный контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Отсюда следует, что современный уголовный процесс Королевства Саудовская Аравия в целом имеет универсальную техническую конструкцию, что не отменяет уникальности использования тех или иных исламских технических конструкций.

Таким образом, сравнив порядок производства дознания в России и некоторых зарубежных странах, можно сказать сле-

дующее: опыт зарубежных стран в организации расследования преступлений в большинстве случаев положительно влияет на формирование национальной правовой модели. Однако, на наш взгляд, российская модель дознания имеет более совершенную и полноценную форму, в сравнении с некоторыми упомянутыми зарубежными странами. Российские дознаватели обладают большим объемом прав, а также менее зависят от других участников со стороны обвинения. К примеру, дознавателю нет необходимости передавать уголовное дело прокурору для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Также дознаватели в Российской Федерации обладают полномочиями на раскрытие преступлений и расследование уголовных дел, а не на проведение в основном оперативно-розыскных мероприятий, как это происходит в Англии или Франции, что говорит о достаточной процессуальной самостоятельности российских дознавателей в сравнении с зарубежными.

Определенный интерес в изучении дознания представляют мусульманские страны, поскольку в большинстве своем они опираются при расследовании на религиозные нормы. Но влияние западных государств привело к тому, что в указанных странах уголовный процесс стал более совершенным. В сравнении с УПК Ирана 1999 года, в современном УПК этого государства произошло разделение полномочий судебной и исполнительной власти. В Саудовской Аравии романо-германская система уголовного судопроизводства практически заменила нормы шариата. Это подтверждает факт заимствования норм других стран для совершенствования права собственного государства.

На наш взгляд, изучение уголовного судопроизводства зарубежных стран позволяет учитывать и включать в отечественное законодательство апробированные и эффективные процедуры организации расследования преступлений и, тем самым, модернизировать российский уголовный процесс, закрепляя наиболее эффективные средства противостояния преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Исламской республики Иран от 23 апреля 2014 г. : сайт. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009451216/ (дата обращения: 07.12.2022). — Текст: электронный.
2. Уголовно-процессуальный закон Королевства Саудовская Аравия : сайт. — URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=3122> (дата обращения: 07.12.2022). — Текст: электронный.
3. Боботов, С. В. Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 года (с изм. и доп. на 1 января 1966 г.) : [пер. с фр.]; предисл. к. ю. н. С. В. Боботова и к. ю. н. В. И. Каминской. — Москва : Прогресс, 1967. — 323 с.
4. Григорьев, Д. А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Москва : МосУ МВД России, 2018.
5. Михайлов, В. А. О статусе органов дознания и следственных органов / В. А. Михайлов, Э. Ф. Побегайло, И. Г. Цопанова // Публичное и частное право. — 2019. — № 1 (41). — С. 75–83.

BRIEF

INQUIRY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Korostova M. D.,

*2nd year Master's degree at the Faculty of Law,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Ratkov A. N.,

*Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Abstract. *An inquirer is an official authorized to carry out a preliminary investigation in a criminal case in the form of an inquiry. This article examines the inquirer from the point of view of the Russian criminal process and some foreign countries like England, France, Iran and Saudi Arabia. The similarities and differences in conducting a preliminary investigation in the form of an inquest have been studied.*

Key words: *interrogator; pretrial proceedings; preliminary investigation; criminal procedure; Anglo-Saxon system; Romano-Germanic system; Muslim law.*

Культурный аспект
современной правотворческой
ПОЛИТИКИ

Орлова А.С.,
студентка 3 курса магистратуры,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

Научный руководитель: **Болденко О.А.**,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридических
и социально-экономических дисциплин,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

УДК 340.131.3

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные аспекты правотворческой политики. Правотворческая политика есть воплощение требований культуры правотворчества в практической плоскости. Уровень культуры правотворчества становится выше, когда надлежащим образом осуществляется правотворческая политика, так как сама правотворческая политика формируется на базе определенных культурных ориентиров (представлений), свойственных обществу данной страны.

Ключевые слова: правотворчество; государство; правотворческая политика; правоприменение; правотворческая культура.

Правотворческая политика является своего рода деятельностью государственных органов, определяющей конкретные и необходимые меры для повышения и активного развития культуры правотворческого процесса.

Состояние правотворческой культуры выступает важнейшим показателем развития любого государства, подчеркивает его зрелость. Одни исследователи относят это понятие к сфере духовного, другие акцентируют внимание на материальных, объективированных проявлениях правотворческой культуры. Но при рассмотрении этой категории под любым углом его фундаментом, безусловно, остается право.

Правовые акты оказывают влияние как на социум в целом, так и на жизнь каждого индивида, опосредуют взаимоотношения юридических и физических лиц со структурами власти, конкретизируют и очерчивают границы их взаимодействия.

Культурный аспект правотворческой политики, несомненно, характеризует степень развитости государственного аппарата управления. Культура — очевидно — это неотъемлемая компонента профессионального облика государственного служащего, каждый из которых в определенном смысле представляет собой элемент правотворческого процесса [1]. Правотворческая политика, как и политика в области культуры тесно связаны с уровнем образования общества и образованностью в целом, поскольку эти факторы во многом определяют перспективы культурного развития государства и его социума. Здоровое гражданское общество с твердой жизненной позицией и правовое государство невозможно выстроить без знания законов и уважительного отношения к ним, без наличия у граждан осознанного чувства национального долга, патриотизма, без опоры на культурные традиции своего народа, своей страны.

Российское общество сегодня переживает глубокий духовный и нравственный кризис, выступающий следствием того

сложного исторического периода, свидетелем которого все мы являемся. В настоящее время усилия государства направлены на реализацию специальной военной операции, проходящей на территории Донбасса, цели которой понятны и конкретны — демилитаризация и денацификация соседнего государства, а также предание справедливому суду тех, кто совершил многочисленные преступления против мирных жителей, в том числе граждан Российской Федерации.

Кризисные явления в общественном сознании связаны с тем, что часть граждан не приняла сложившейся ситуации, постаравшись или дистанцироваться от обсуждения текущей повестки дня, или осудить последствия развернувшихся у границ России событий. Это говорит о том, что отчасти общество оказалось не готово к смене акцентов в повседневной жизни, в том числе и в плане культуры — правовой культуры, культуры рационального мышления.

В данный момент мы наблюдаем формирование новой правотворческой культурной модели на всех уровнях социальной системы — от личности и социальных групп до государства в целом. Безусловно, Россия — страна с богатой историей и колоссальным культурным наследием; ее система ценностных ориентиров базируется на общечеловеческих началах, выступая своеобразной мерой приемлемости социального поведения. Отражаясь в правовых нормах, ценностные универсалии меняют свой облик, оказывая влияние не только на правовое регулирование, но и на непосредственную реализацию права. Не случайно воздействие системы ценностей на развитие и формирование правотворческой культуры в нынешних условиях стало весьма актуальным предметом для изучения именно в контексте юриспруденции. Главной задачей российской юридической политики в этой связи является «правовое обеспечение реформ, проводимых в Российской Федерации, демократизация общественной жизни, стабильности и правопорядка в стране» [1, с. 470].

Отметим: развитие правотворческой культуры и институтов права имеет важнейшее значение с точки зрения повышения эффективности проводимой государством правовой политики, а также для успешного взаимодействия государства и общества. Правовая политика и стандарты правотворческой культуры должны быть понятны не только специализированным органам государственной власти, но и в первую очередь гражданам. Как показывает жизненная практика, рядовой обыватель чаще и больше страдает от непонимания закона и вдвойне — от незнания правовых норм. Однако в настоящее время культура правосознания и правотворческой политики в Российской Федерации выходит на новый уровень.

Весьма важной проблемой современности считается поиск баланса между уровнем культуры правотворчества и состоянием правотворческой политики, определение их взаимосвязи и природы. Для уяснения содержания категории «правотворческая политика» с учетом полноценного раскрытия в ней культурного аспекта необходимо осветить трактовку этого понятия с правоведческих позиций.

Так, А. П. Мазуренко под правотворческой политикой понимает «особое явление политико-правовой действительности государственных органов и негосударственных структур, направленной на определение стратегии и тактики правотворчества, осуществляемой на различных уровнях правового регулирования в целях обеспечения необходимых условий для создания непротиворечивой и целостной системы права» [3]. А по мнению А. В. Малько и В. В. Трофимовой, правотворческая политика — это «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и негосударственных структур, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества, связанная с разработкой и принятием качественных и эффективных правовых решений, обеспечивающих

стабильное и, вместе с тем, прогрессивное развитие государства и общества» [4].

Очевидно, что правотворческую политику невозможно уместить в рамки какого-то конкретного понятия, потому что она подразумевает под собой многоплановую деятельность государственных и негосударственных органов; масштабную, многогранную работу в условиях динамично изменяющейся среды — политической, экономической, культурной. Однако можно постараться раскрыть уровни содержания этой деятельности, описать спектр задач, которыми занимаются научные деятели, определяя стратегию и тактику правотворческой политики.

Говоря о культурном аспекте современной правотворческой политики, следует соотнести ее с культурой правотворчества. В теории под культурой правотворчества принято понимать синтез правовой культуры и собственно правотворчества, где правовая культура — собирательное понятие, характеризующее представления граждан о праве, правовых нормах, законах и их реализации, о правоприменительной деятельности в целом, знание специфики различных нормативных правовых актов.

В научной литературе мы встречаем, к примеру, такое толкование правовой культуры: «это система овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, их отражение в сознании и поведении людей» [5]. Иное видение предлагает А. С. Бондарев, детально анализирующий в своих работах категорию правовой культуры: «Правовая культура <...> не представляет собой ту или иную сумму правовых ценностей или их характеристику. Правовая культура есть правовое свойство субъекта права. Она есть степень их правовой развитости, правового совершенства, уровень их способностей качественно творить и эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правомерных целей» [6]. Получается, что правовая культура — часть правотворческой культуры,

которая отражает в себе правовые ценности и нормы общества.

Обобщая подходы правоведов, можно сделать вывод о том, что правовую культуру, как правило, предпочитают рассматривать в двух версиях — в широком и узком смысле этого понятия:

— в узком смысле под правовой культурой понимают сложную систему взаимоотношений между людьми (гражданами) и государственными или негосударственными структурами в результате длительного взаимодействия;

— в широком смысле — это юридический опыт, накопленный за весь период исторического развития государства.

На современном этапе правовая культура требует от каждого члена демократического общества соблюдения норм морали, уважения права других людей на собственную гражданскую позицию, честность и справедливость во взаимоотношениях с окружающими. В целом правовая культура является важнейшей составляющей концепции правового государства, стимулом к воспитанию в гражданах чувства взаимного уважения, а также стремления поступать в соответствии с требованиями закона. Безусловно, правовая культура включает в себя также культуру личности, социальную культуры и культуру отдельных групп (страт) общества.

Правовое воспитание личности предполагает выработку способности индивида понимать и применять положения законодательства, использовать в повседневной жизни нормы права для собственной защиты, дает возможность гражданину регулировать свое поведение в рамках правового поля.

Почему именно сейчас актуализировался вопрос оценки места и роли культурного начала в правотворческой политике? Причина в том, что в период наивысшего напряжения — в моменты политических, экономических и социальных потрясений — обостряются все скрытые «болезни» общественного сознания. Для купирования обозначившихся проблем необходимы:

1. Досконально разработанная и последовательно проводимая в жизнь правотворческая политика, ориентированная на минимизацию ошибок при формировании законодательной базы.

2. Улучшение качества правотворческого процесса и формирование эффективной нормативно-правовой базы как итога комплексной правотворческой деятельности (нормы права должны выступать правовым регулятором, соответствующим современному уровню развития общества и актуальным юридическим практикам, включая требования к определенному уровню организации культуры правотворческого процесса).

3. Строгая регламентация правотворческого процесса, которая включает в себя учет стандартов правотворческой культуры и грамотную правотворческую политику — целесообразную и понятную с точки зрения основополагающих принципов. Конечно, культура и политика — явления различные по своей природе, однако сфера их реализации — общество — позволяет рассматривать их во взаимосвязи, сопрягать их цели в конкретно-историческом контексте.

4. Идеальная основа принимаемых законодательных актов (она должна быть транспарентна, понятна и одобряема гражданским обществом, вектор правового регулирования должен соответствовать тренду развития страны, при этом «цель законопроекта необходимо четко выразить в его концепции» [7], четко определить цели и средства их достижения).

В качестве примера можно привести разработку Минэкономразвития России ряда системообразующих документов стратегического планирования, таких как Стратегия социально-экономического развития РФ, Стратегический прогноз, Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации и др. Данные документы готовятся с учетом национальных целей развития Российской Федерации, определенных Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных

целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», а также инструментов и механизмов достижения национальных целей развития на среднесрочный период формируются концептуальные подходы к разработке Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2050 года (Стратегия — 2050). Помимо этого, в сферу ответственности Минэкономразвития России входит методическое обеспечение разработки и мониторинга ряда документов стратегического планирования, таких как планы деятельности федеральных органов исполнительной власти. В пакет документов, регламентирующих стратегическое планирование, в частности, входят:

— Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 (утверждена распоряжением Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019);

— Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 (утверждена Указом Президента РФ 13.05.2017 № 208);

— Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2036 (одобрен на заседании Правительства РФ 22.11.2018);

— Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый 2023 и 2024 годов (одобрен на заседании Правительства РФ 21.09.2021);

— Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 (утверждены Указом Президента РФ 16.01.2017 № 13);

— Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 (утверждены Председателем Правительства РФ 29.09.2018);

— Стратегия научно-технологического развития РФ (утверждена Указом Президента РФ 01.12.2016 № 642);

— Стратегия национальной безопасности РФ (разработчик СБ РФ, утверждена Указом Президента РФ 02.07.2021 № 400);

— Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утвержден распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р).

Правотворческая политика в условиях современной России объективно является ключевым фактором для обеспечения устойчивого политического, социально-экономического развития, она затрагивает вопросы национальной безопасности Российской Федерации и, что немаловажно, сферу патриотического воспитания.

В период проведения специальной операции на Украине особое внимание уделяется ряду аспектов, определяющихся приоритетами государственной политики в области культуры, — единству всех гражданских институтов перед лицом внешнеполитических вызовов, необходимости осознания своей ответственности за будущие поколения своих сограждан, воспитания любви к Родине, уважения военной истории и героики своей страны. Причем разработки соответствующих патриотически ориентированных программ на долгосрочную перспективу признаются сегодня залогом надежного обеспечения национальной безопасности страны, ее суверенитета.

В этом контексте патриотизм выступает как отдельное направление культурного и социального поведения граждан, осознание индивидом своего долга как гражданина, понимания всей меры личной ответственности перед обществом за вклад в защиту своего Отечества от внешних угроз.

Необходимость развития патриотического начала декларируется во многих нормативных правовых актах, программных документах различного уровня, приоритетных государственных проектах. Стоит признать, что российское общество привыкло жить в относительно спокойной обстановке, при отсутствии экзистенциальной опасности. Разумеется, в таких условиях личные

потребности и интересы выходят на первый план, вытесняя общественные приоритеты; понятия «Родина», «долг», «мужество» становятся скорее абстрактными концептами. С юридической точки зрения в настоящее время Россия не находится в состоянии войны, хотя специальная военная операция, очевидно, является формой ведения боевых действий. Состояние войны объявляется специальными федеральными законами и вводится в случае вооруженного нападения на РФ со стороны другого государства (ч. 1 ст. 18 ФЗ от 31 мая 1996 № 61 ФЗ «Об обороне»).

Как было отмечено выше, российскому обществу на данном этапе необходимы кардинальные изменения в менталитете, принятие активных мер, в том числе, в законодательной плоскости. Необходимо более интенсивно развивать патриотическое воспитание, укреплять национальное самосознание, особенно по результатам проведения кампании частичной мобилизации (вызвавшей сильнейший резонанс в обществе), до которой большинство россиян не воспринимали происходящее на Украине как то, что касается их повседневной жизни напрямую. Эта ситуация проявила все недоработки в вопросах воспитания правовой культуры и послужила стимулом для начала полноценного реформирования правотворческой политики с учетом акцентуации патриотических и морально-нравственных принципов.

Эффективный механизм правового регулирования предполагает использование всего арсенала юридических инструментов для достижения таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление правопорядка и законности, формирование высокого уровня правовой культуры на всех уровнях государственного механизма и общества.

По некоторым данным, частичную мобилизацию поддержала большая часть населения страны — очевидно, однако, что единомыслия в этом вопросе не наблюдалось (часть граждан приняла решение покинуть родину). 20 сентября 2022 года в Государствен-

ную Думу РФ был внесен законопроект о поправках в Уголовный кодекс об ужесточении наказания за уклонение от мобилизации и новых составах преступлений периода военных конфликтов, который депутаты приняли в тот же день во втором и третьем чтении. Кроме того, в стране сейчас действует Закон № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», который регламентирует правила поведения военнообязанных во время мобилизации. Так, с момента объявления мобилизации все граждане, которые состоят на воинском учете, не должны покидать место жительства без разрешения военных комиссариатов или органов исполнительной власти (ст. 21 Закона о мобилизационной подготовке). Генпрокуратура РФ внесла поправки в Уголовный кодекс РФ, предполагающие ужесточение наказания за действия, подрывающие безопасность Российской Федерации; содержащие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 275 Уголовного кодекса РФ (государственная измена). Основания такой инициативы обусловлены тем фактом, что «Вооруженными силами РФ проводится специальная операция по защите ДНР и ЛНР. Необходимо учитывать, что оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности». Одновременно был запущен процесс совершенствования нормативно-правового обеспечения патриотического воспитания, выразившийся в разработке комплекса нормативных документов, направленных на укрепление законодательной базы и конкретизацию социально-правового статуса патриотического воспитания, а также роли, места, задач и функций каждого органа власти, ведомства, организации как составных элементов единой системы патриотического воспитания, с учетом их специфики и изменений, происходящих во всех сферах жизни страны. В плане социальной культуры, определяющей тренд современной правотворческой политики, можно

указать также на дополнительные меры социальной поддержки военнослужащих (в том числе призванных по мобилизации) и их семьям — в виде денежных выплат.

В завершение проведенного анализа отметим, что на современном этапе для эффективного развития правотворческой политики в России необходимо последовательно изучать и осмысливать ценностные ориентиры культуры нашей страны, ее нравственные приоритеты, сложившиеся исторически. Только в этом случае меры, направленные на совершенствование отечественного законодательства, дадут действенный результат; только в этом случае право станет подлинной основой жизни каждого гражданина нашей страны, а качество вновь принимаемых нормативных актов значимо вырастет и будет адекватно отражать процессы, происходящие в российском обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник. — [4-е изд., испр. и доп.] / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — Москва : Дело, 2016. — 528 с. — Текст : непосредственный.
2. Самородов, В.Ю. Культурный аспект современной правотворческой политики (опыт осмысления проблемы) / В.Ю. Самородов. — Текст : непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь. — 2018. — № 3. — С. 128–134.
3. Мазуренко, А.П. Правотворческая политика: понятие и соотношение со смежными юридическими категориями / А.П. Мазуренко. — Текст : непосредственный // Государство и право. — 2010. — № 4. — С. 12–20.
4. Малько, А.В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования / А.В. Малько, В.В. Трофимов. — Текст : непосредственный // Государство и право — 2013. — № 2. — С. 5–13.

5. Каминская, И. В. Правосознание как элемент правовой культуры / И. В. Каминская, А. Р. Ратинов // *Правовая культура и вопросы правового воспитания: сб. науч. тр.* — Москва, 1974. — С. 39–67. — Текст: непосредственный.
6. Бондарев, А. С. Правовое самовоспитание как самостоятельный вид субъектно-правовой социализации / А. С. Бондарев. — Текст: непосредственный // *Вестник пермского университета. Юридические науки.* — 2013. — № 2 (20) 2013. — С. 7–16.
7. Тосунян, Г. А. Культура правотворчества в современной России / Г. А. Тосунян, Л. В. Санникова. — Текст: непосредственный // *Государство и право.* — 2018. — № 3. — С. 28–34.
8. Кравченко, С. А. Нелинейная социальная и культурная динамика: теория П. А. Сорокина и современные подходы / С. А. Кравченко. — Текст: непосредственный // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* — 2021. — № 27 (4). — С. 33–48.
9. Литвинова, Ю. О. Риски в правотворчестве: теоретико-правовой анализ / Ю. О. Литвинова. — Текст: непосредственный // *Философия права.* — 2020. — № 2 (93). — С. 17–22.
10. Малько, А. В. Стратегия и тактика как элементы правотворческой политики / А. В. Малько, А. П. Мазуренко. — Текст: непосредственный // *Юридическая техника.* — 2019. — № 9. — С. 436–443.

BRIEF

**THE CULTURAL ASPECT
OF MODERN LAW-MAKING POLICY**

Orlova A. S.,

*student, Sochi branch of The All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

*Academic Supervisor: **Boldenko O. A.,***

*Candidate of of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Legal and Socio-Economic Disciplines,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Abstract. *The article discusses the current aspects of law-making policy. Law-making policy is the embodiment of the requirements of the culture of law-making in the practical plane. The culture of law-making becomes higher when the law-making policy is properly implemented, since the law-making policy itself is formed on the basis of certain cultural ideas.*

Key words: *lawmaking, state, law-making policy, law enforcement.*

Соотношение позиций России и международного уголовного суда в свете имплементации Римского статута

Ивашкина О. А.,

*Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия*

УДК 343.13

***Аннотация.** Данная статья посвящена функционированию Международного уголовного суда в настоящее время. В исследовании освещается роль международного уголовного суда в системе международного уголовного правосудия. Особое внимание уделено вопросам имплементации Россией составов преступлений (которые нашли отражение в Римском статуте) и приведения отечественного уголовного законодательства в соответствие с нормами международного гуманитарного права в целом.*

***Ключевые слова:** международное уголовное право; международный уголовный суд; международные преступления; военные преступления; имплементация; Римский статут.*

Мировые войны XX века; многочисленные вооруженные конфликты, повлекшие за собой жертвы, как среди военных, так и среди мирного населения вызвали необходимость не только расследования международных военных преступлений, но и создания юрисдикционных органов правосудия,

а также внесения в национальные уголовные законы норм об уголовной ответственности за международные преступления. Поэтому создание Международного уголовного суда и специализированных международных судов явилось закономерным итогом эволюции международного уголовного права.

Основной деятельностью международных уголовных судов является факт совершения преступных деяний, направленных против человечности, совершаемых во время войн и военных конфликтов. Международными конвенциями были криминализованы многие деяния, совершенные военнослужащими против военных противника и мирного населения.

Военные преступления международного характера подлежат рассмотрению Международным уголовным судом, который руководствуется определенным набором принципов.

Система принципов международного уголовного права закреплена в части 3 Римского статута [1, с. 118], в которой определены шесть основных принципов международного уголовного права. Важнейшими принципами являются: содержание признаков преступления в законе; закрепление наказания исключительно в законе; неприменение обратной силы действия закона, индивидуальной ответственности лица, совершившего международное преступление; неприменение сроков давности за совершение международного уголовного преступления и виновность лица в совершении таких преступлений.

В рамках мировой уголовной юрисдикции международный уголовный суд уже рассмотрел ряд дел по обвинению лиц, виновных в совершении военных преступлений против человечности в Республике Конго, Руанде. Поэтому международный уголовный суд следует рассматривать как международный орган, осуществляющий уголовное правосудие в сфере военных преступлений для сохранения мирных отношений, защиты прав

и свобод граждан и населения стран, где совершаются военные уголовные преступления.

Россия, являясь составной частью цивилизованного мирового сообщества, признает и руководствуется Римским статутом международного уголовного суда, имплементировав в национальное уголовное законодательство закрепленные в Римском статуте нормы [1, с. 116], согласившись признать в национальном законодательстве верховенство международных норм уголовно-правового характера, что выглядит особенно злободневным в свете международных преступлений, совершаемых украинской военщиной против российских граждан и военнослужащих, а также против населения своей страны.

Так, статьей 353 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее — УК РФ) были закреплены основания уголовной ответственности за планирование, подготовительные действия, развязывание, ведение агрессивной войны. Сущность объекта данного преступления заключается в уголовно-правовой защите общественных отношений по охране мирного существования различных государств, народов, базирующихся на фундаменте международных принципов и норм права; равенстве участников международных правоотношений; уважении прав, присущих суверенитету; мирном разрешении, урегулировании споров и конфликтов; неприменении силы или угрозы силой; невмешательстве во внутренние дела государств; неприкосновенности и нерушимости границ; территориальной целостности государств [3, с. 63]. Данное преступление посягает также на жизнь, здоровье физических лиц и собственность субъектов права.

Российские суды исходят из правовых положений, принятых Организацией Объединенных Наций, в частности о том, что агрессия — это применение вооруженной силы государства против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-

либо другим образом, не совместимым с Уставом ООН [4, с. 9]. Агрессивная война Украины является преступлением не только против собственного народа, но и против России, против международного мира и должна повлечь за собой ответственность Украины в Международном уголовном суде.

В УК РФ, в статье 357, закреплено понятие и основания уголовной ответственности за геноцид. В российском уголовном законодательстве геноцид рассматривается как полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы. В статье 359 УК РФ содержится определение и основания уголовной ответственности за наемничество, сущность которого заключается не только в вербовке, но и в нахождении источников финансирования, поиске материальных ресурсов для обеспечения деятельности наемников, их участия в военных действиях на территории иностранного государства. В то же время следует отметить, что имплементация международных норм в отечественное уголовное законодательство недостаточна, поскольку остальные составы преступлений, закрепленные в Римском статуте Международного уголовного суда, в отечественном уголовном законодательстве отсутствуют [5, с. 9].

К существующим недостаткам российского уголовного закона следует отнести отсутствие в УК РФ определения преступления против человечности. Из содержания норм УК РФ следует сделать вывод о том, что лица, совершившие преступления против человечности, будут привлекаться за совершение обычных уголовных преступлений, таких как убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, терроризм и др. Полагаем, что

это не совсем верно. Следует главу 34 УК РФ дополнить статьей, регламентирующей ответственность за преступления в отношении мирного населения и военнослужащих российской армии, осуществляющих специальную военную операцию на территории Украины.

Полагаем, что следует имплементировать нормы о военных преступлениях и преступных деяниях против человечности, в том числе и на территории Украины, в отечественное уголовное законодательство, применяя при этом анализ норм международного права, судебные акты международного уголовного суда по привлечению подсудимых к уголовной ответственности за совершение преступлений [6, с. 135].

Также необходимым представляется введение в УК РФ термина «военный конфликт» вместо термина «вооруженный конфликт». Военный конфликт следует рассматривать как форму разрешения возникающих межгосударственных и внутригосударственных противоречий с использованием вооруженных сил, принимающих участие в региональных, локальных войнах или вооруженных конфликтах.

Следует законодательно закрепить охрану личности раненых и больных лиц, медицинского персонала и духовных служителей, их прав и свобод; культурных ценностей, находящихся на оккупированной территории или в зоне военных действий. Реализовать данную регламентацию необходимо посредством расширения круга лиц и объектов, подпадающих под защиту во время вооруженного конфликта международного и немеждународного характера, а также путем снятия ограничений с зоны действия норм международного права, определяющейся только оккупированной территорией, внося необходимые изменения в ст. 356 УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что важнейшей целью деятельности Международного уголовного суда, как

и российских судов общей юрисдикции, осуществляющих уголовное судопроизводство, является пресечение, профилактика международных преступлений и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступные деяния, обладающие признаками международного характера. Они несут угрозу как национальной безопасности демократических государств, так и мировому правопорядку [7, с. 69].

Полагаем, что уголовное преследование международных преступников следует обеспечивать не только мерами, предусмотренными российским уголовным законодательством, но и путем усиления правового сотрудничества международных институтов уголовной юрисдикции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // *Дипломатический вестник*. — 2000. — № 10. — С. 116–123.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // *СЗ РФ*. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. *Курс уголовного права/под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой*. — [в 5 т.]. *Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении : учебник для вузов*. — Москва : ИКД «Зерцало-М», 2018. — С. 263.
4. *Розенцвайг, А.И. Международное уголовное право : учебное пособие*. — Самара : Изд-во Самарского университета, 2020. — С. 369.
5. *Панов, В.П. Международное уголовное право: учебное пособие*. — Москва: Инфра-М, 2017. — С. 189.
6. *Лукашук, И.М. Современное право международных договоров*. — Москва, 2020. — С. 225.
7. *Каюмова, А.Р. Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции // Российский ежегодник международного права*. — 2021. — С. 67–69.

BRIEF

**CORRELATION OF THE POSITIONS OF RUSSIA
AND THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT
IN THE LIGHT OF THE IMPLEMENTATION
OF THE ROME STATUTE**

Ivashkina O. A.,

*Sochi branch of The All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

*Academic Supervisor: **Ratkov A. N.,***

*Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Abstract. *This scientific article is devoted to the functioning of the International Criminal Court at the present time, it highlights the role of the International Criminal Court in the international criminal justice system. Attention is paid to the issues of Russia's implementation of the elements of crimes that are reflected in the Rome Statute, and, in general, bringing criminal legislation into line with the norms of international humanitarian law.*

Key words: *International criminal law, international criminal court, international crimes, war crimes, implementation, Roman status.*

Научное издание

**ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА,
ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Избранные авторские исследования

Сборник статей

Корректор — П. В. Багров.

Дизайн обложки — © Д. В. Нефедов. Верстка — © Спутник науки.

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Стар-трейд» (ИП Гудкова К. А.).

Сдано в набор 14.06.2022 г. Подписано в печать 26.06.2023 г. Формат 64x80/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура MinionPro. Усл. печ. л. 8,3. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-6049066-2-0

9 785604 906620